

ГЕРМАНЪ ГРИММЪ

МИКЕЛЬ

АНДЖЕЛО

БУОНАРРОТИ

ВЫП: 2

ПЕРЕВОДЪ В. Г. МАЛАХИЕВОЙ-
МИРОВИЧЪ. ОРНАМЕНТАЦІЯ
КНИГИ. Подъ Ред. М. ДОБУЖИНСКАГО

І 9 І 3

ИЗДА
ГРЯДУЩИЙ
ДЕНЬ
СПЕ
РЕДАКТОРЪ
А. Л.
ВОЛЫНСКІЙ

11 ФЕВ. 2008

ИЗДАТЕЛЬСТВО

MICHAEL ANGELVS BONAROTVS PATRITIVS
FLORENTINVS AN AGENS LXXII

QVANTVM IN NATVRA ARS NATVRAQVE POSSIT IN ARTE
HIC QVI NATVRÆ PAR FVIT ARTE DOCET

M D XLVI

TVLIO-B.F.

МИКЕЛЬ-АНДЖЕЛО
ГРАВЮРА
ИЗЪ КНИГИ КОМАНВИ
VITA DI MICELAGNOLO
BUONARROTI.

V. F. Scaer

О тѣмъ-же законамъ, по какимъ въ нашей памяти все пережитое принимаетъ опредѣленные формы, въ сознаниі народовъ создается представленіе объ ихъ исторіи и въ сознаниі всего человѣчества образъ прошлаго. Съ точки зрѣнія науки было-бы, можетъ-быть, естественно оставить совсѣмъ въ сторонѣ вопросъ о созданіи человѣка и удовлетвориться признаніемъ безконечнаго вихря поколѣній, теряющагося въ невообразимой дали вѣковъ, необъяснимаго происхожденія.

Но такая постановка вопроса противорѣчитъ тенденціямъ человѣческаго духа. Люди хотятъ вѣрить, что первая человѣческая чета была сотворена божественнымъ изволеніемъ, что отъ нея произошли современные народы. Чѣмъ дальше углубляется наша мысль въ прошедшее, тѣмъ пустыньѣе, но тѣмъ прекраснѣе представляется намъ земля. На ней жили существа болѣе сильныя, болѣе прекрасныя, болѣе одинокія, чѣмъ мы. Затѣмъ населеніе странъ все увеличивается, все незначительнѣе становятся ихъ обитатели. Великіе люди являются все рѣже и рѣже, ихъ духовная сила мельчаетъ. Наконецъ, мы подходимъ къ

нашему времени, уже не порождающему больше никакихъ героевъ: нынѣ самый незначительный человѣкъ, который живетъ, ѣстъ и пьетъ, какъ и человѣкъ отмѣннаго благородства, имѣетъ свое собственное имя, звучащее изъ края въ край, если только пущены въ ходъ нѣкоторыя, пригодныя для этого, пошлыя ухищренія.

Такое отношеніе къ прошлому и настоящему свойственно всѣмъ народамъ. Оно встрѣчается повсюду. Всѣ относятъ высокое и героическое въ область былого, а обыденное въ область настоящаго.

Но все сильнѣе вѣдряется въ сознаніе людей иное воззрѣніе.

Пока остываетъ вулканъ и изъ потоковъ его лавы образуются горные кряжи, а кратеръ обращается въ глубокое, тихое озеро, успѣваютъ сойти въ могилу поколѣнія за поколѣніями. Нужны два-три тысячелѣтія, чтобы осуществилось подобное превращеніе. Наука теперь такъ хорошо изучила эти процессы, что мы знаемъ всѣ условія, необходимыя для ихъ завершенія. По сравненію съ ихъ длительностью продолжительныя человѣческія войны кажутся мгновенной вспышкой стога сѣна, а долгіе годы страданія одного человѣка — не длиннѣе тѣхъ мученій, которыя испытываетъ червякъ, раздавленный сапогомъ садовника. Самыя отдаленныя миѣическія времена кажутся намъ еще досягаемо близкими. И тогда жили такіе-же люди, какъ и нынѣ: они ѣли, пили, любили и ссорились, какъ и мы. Въ озерахъ Швейцаріи были открыты слѣды жизни, относящіеся къ эпохѣ несравненно болѣе отдаленной, чѣмъ такъ называемая древнѣйшая исторія Европы. Найдены были полуобгорѣвшія хлѣбныя зерна, глиняные черпаки, всяческія орудія, грубо сдѣланныя изъ кости. Они такъ-же мало свидѣтельствуютъ о величій тѣхъ людей, какъ издѣлія и черепа американскихъ дикарей, живущихъ теперь въ условіяхъ, въ какихъ жила, вѣроятно, древній народъ, исчезнувшій съ лица земли.

Что значимъ мы съ нашими мѣрами пространства и времени? Что такое земля среди безконечности небесныхъ твореній? Какое множество пертурбацій пережила она до того, какъ появился на ней человѣкъ! Какъ долго просуществовали люди, прежде чѣмъ въ ихъ сознаніи появилось ощущеніе прошедшаго! Немногія тысячелѣтія, обозначаемыя нами именемъ исторіи, представляютъ лишь крошечный отрѣзокъ длиною въ дюймъ отъ всего пути человѣчества, который надо измѣрять милями. Быть можетъ, правильный взглядъ на это скоро сдѣлается достояніемъ людей. Еще для римлянъ часть Германіи, лежащая по ту сторону Эльбы, казалась такой-же неизвѣстной сказочной страной, какъ для средневѣковыхъ людей временъ открытія Америки острова Тихаго Океана. Въ наше-же время даже средній человѣкъ можетъ увѣренно говорить о Южной Америкѣ, Австраліи, Японіи и древнѣйшихъ геологическихъ эпо-

хахъ. Для нашего сознанія вѣкъ героизма лежитъ не въ прошломъ: мы ожидаемъ его наступленія, какъ прекраснѣйшаго изъ тѣхъ плодовъ, какіе сулитъ намъ будущее. Наши идеалы не позади, а впереди насъ.

Теперь происходитъ ломка установившихся взглядовъ. Мы уже съ недоумѣніемъ смотримъ въ прошедшее и ждемъ отъ будущаго новыхъ откровеній человѣческаго духа, великихъ дѣяній, какихъ еще не видѣлъ міръ.

Подобно тому какъ пересѣкаются между собою пути небесныхъ свѣтилъ, и каждое изъ нихъ опредѣляетъ движеніе другихъ, вліяя на нихъ своими особенностями, такъ и всѣ люди, которые жили, живутъ и будутъ жить, образуютъ единую огромную систему человѣчества, гдѣ малѣйшее дѣяніе отдѣльнаго лица оказываетъ большею частью незамѣтное, но несомнѣнное воздѣйствіе на общій ходъ развитія цѣлаго. Исторія есть повѣствованіе о колебаніяхъ, пережитыхъ человѣчествомъ въ его полнотѣ, потому-что духовныя силы единичныхъ людей не равны между собою. Наше стремленіе изучать исторію вызывается желаніемъ познать законы этихъ колебаній и силы, ихъ обуславливающія. И открывая въ ней то мощные, но спокойные потоки, то мертвую тишь, то бурные водовороты, мы всякій разъ въ качествѣ движущаго рычага этихъ явленій видимъ титаническія фигуры великихъ людей, огромнымъ напряженіемъ своего творческаго духа подчиняющихъ своему вліянію и ведущихъ за собой милліоны слабыхъ и бездѣятельныхъ. Эти люди—герои исторіи, вѣхи для пытливаго ума, разбирающагося въ безбрежномъ множествѣ явленій. Гдѣ выступаютъ эти люди, событія озаряются свѣтомъ, становятся понятными, гдѣ ихъ нѣтъ—царитъ непроницаемая для разума тьма. Когда намъ сообщаютъ факты изъ эпохи, лишенной великихъ людей, они представляются намъ обрывками подлинныхъ событій, безъ цѣны и безъ значенія, обрывками, которые, какъ ихъ ни сопоставлять, какъ ни учитывать ихъ пространственную величину, не могутъ образовать цѣльнаго единства.

Люди инстинктивно чувствуютъ величіе. Признаки его всегда были извѣстны человѣчеству, и поясняютъ ихъ незачѣмъ. Достоинство и значеніе человѣка измѣряется тѣмъ, насколько онъ самъ способенъ подняться до него или примкнуть къ тѣмъ, кто дѣйствительно великъ. И только то, что видно въ человѣкѣ подъ этимъ угломъ зрѣнія, образуетъ его подлинную индивидуальность. Властитель, желѣзной волей руководящій судьбой народовъ, подчиняющій ихъ своимъ переменчивымъ желаніямъ, исчезнетъ безъ слѣда изъ памяти людей. Его будутъ помнить нѣкоторое время, какъ чудище, посланное Провидѣніемъ, но скоро обликъ и имя его потонутъ въ безразличіи забвенія. Наоборотъ, какой-нибудь несчастный, темный человѣкъ, глубоко ощутившій потребности своего народа и высказавшій плодотвор-

ную мысль, необходимую для того, чтобы совершить давно назрѣвшій шагъ по пути прогресса, уже безсмертенъ въ плодахъ, ею принесенныхъ. Имя его можетъ быть забыто. Но на извѣстномъ пунктѣ исторіи всегда будутъ чувствовать, что тутъ именно стоялъ человѣкъ могучей силы.

Изученіе исторіи должно пробуждать въ насъ, такимъ образомъ, не печаль о прошедшихъ дняхъ, а увѣренность въ наступленіи прекраснаго будущаго. Мы стремимся къ нему и потому хотимъ знать тѣхъ, кто нѣкогда шелъ впереди другихъ. Изученіе исторіи есть разсмотрѣніе того, какую роль великіе люди играли въ событіяхъ прошлаго. Эти люди образуютъ средоточіе исторической картины. Энтузіазмъ, вызываемый въ насъ отдѣльными личностями, даетъ возможность правильно оцѣнить и ихъ значеніе. Хочется созерцать этихъ людей и передавать свои выводы другимъ. Такъ думалъ Гёте, говоря, что единственная польза исторіи—это одухотвореніе, даваемое ею современному человѣку.

Мы страстно стремимся постигнуть все, что есть въ обликѣ чело-вѣчества самаго благороднаго. Когда мы созерцаемъ великихъ людей, мы испытываемъ то-же, что чувствуемъ, видя возвращеніе побѣдоноснаго войска, цвѣта народныхъ силъ. Насколько въ моментъ такого триумфальнаго шествія незамѣтный изъ простыхъ солдатъ стоитъ неизмѣримо выше каждаго изъ толпы зрителей, настолько-же несмѣтную толпу простыхъ смертныхъ превосходитъ самый незначительный изъ тѣхъ, кого мы называемъ великими. Всѣхъ ихъ вѣнчаютъ одни и тѣ-же лавры. Они образуютъ единый высокій союзъ. Земные пути этихъ людей были различны, но теперь они стоятъ рядомъ, другъ возлѣ друга: ни языкъ, ни нравы, ни положеніе, ни пространство вѣковъ не раздѣляютъ ихъ. Всѣ они говорятъ съ нами общимъ языкомъ. Для нихъ нѣтъ ни господъ, ни рабовъ. И кто теперь или когда-нибудь поднимется до высоты ихъ мысли и дѣла, тотъ какъ-бы поравняется съ ними и будетъ принятъ ими въ свою среду.

ОРНАМЕНТАЛЬНЫЙ МОТИВЪ ИЗЪ РИЗНИЦЫ ФЛОРЕНТІЙСКАГО СОБОРА.

ЗЪ гражданъ Флоренціи трое должны быть признаны истинно великими: Данте, Леонардо-да-Винчи и Микель-Анджело. Рафаэль родился въ Урбино, но и его можно причислить къ нимъ, такъ-какъ по своему художественному облику онъ былъ, какъ и они, флорентійцемъ. Однако, Данте и Микель-Анджело возвышаются даже среди этихъ фигуръ. Вовсе не слѣдствіемъ предвзятой симпатіи явилось то, что книга эта, посвященная изслѣдованію расцвѣта флорентійскаго искусства, озаглавлена именемъ Микель-Анджело.

Жизнеописаніе Рафаэля или Леонардо было-бы лишь отрывкомъ изъ жизнеописанія Микель-Анджело. Сила его творчества превышаетъ ихъ таланты. Лишь онъ одинъ смогъ приобщиться къ творчеству своего народа. Его личность вмѣстѣ съ его созданіями представляетъ явленіе, которое, какъ статую, надо разсматривать со всѣхъ сторонъ, тогда-какъ Леонардо и Рафаэль, какъ великолѣпныя картины, даютъ всегда живой образъ, но находящійся лишь въ одной плоскости и имѣющій лишь одну сторону.

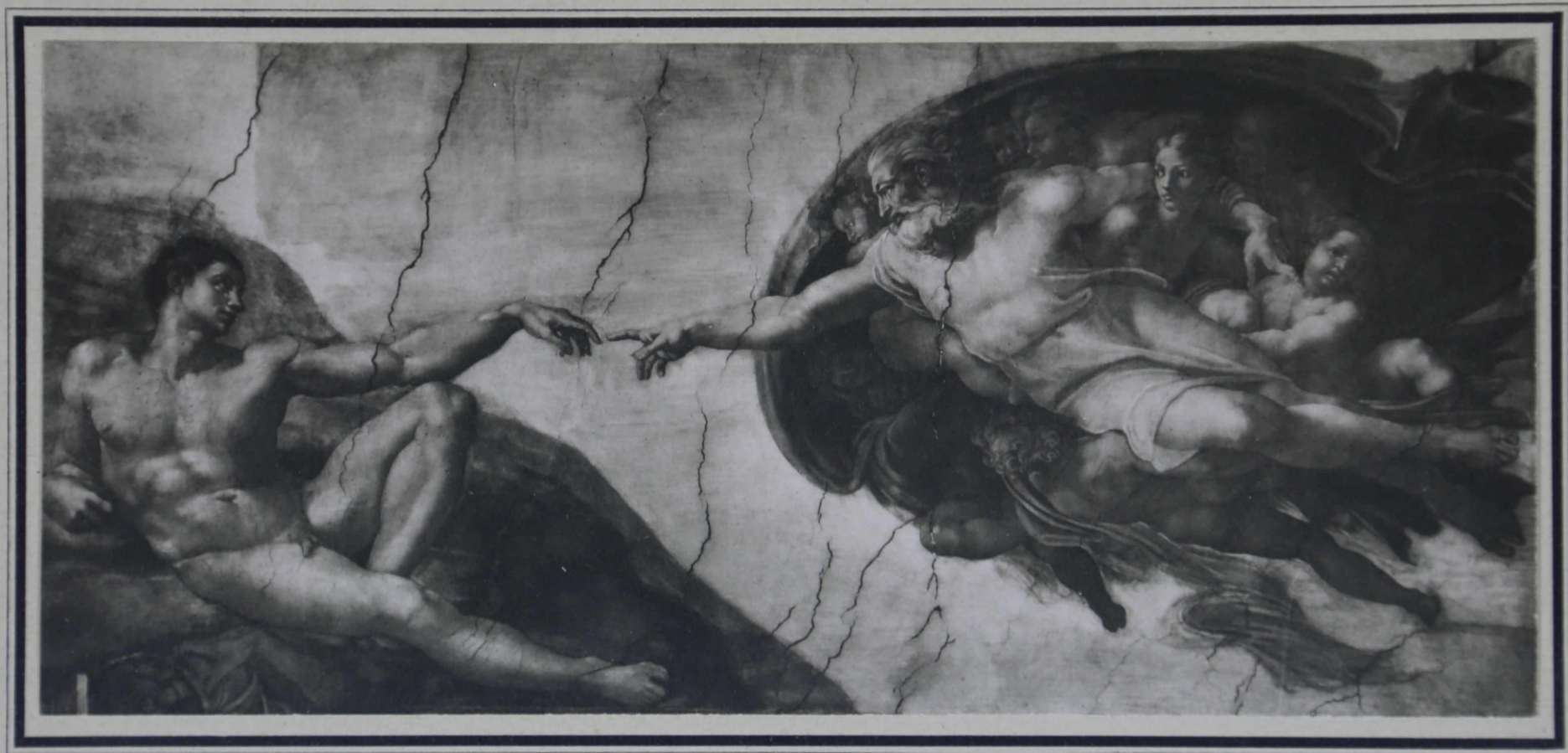

Признаніе величія Микель-Анджело возникло еще при его жизни, и не только въ Италіи, но и во всей Европѣ. Когда въ Римъ прѣзжали нѣмецкіе дворяне, первое, чего они добивались, это—увидѣть Микель-Анджело. Даже то, что онъ достигъ глубокой старости и жилъ въ двухъ столѣтіяхъ, составляло часть его величія. Какъ мы это видимъ и у Гёте, бессмертная юность не покидала его и въ преклонномъ возрастѣ. Онъ сталъ какъ-бы одною изъ стихій Италіи. Какъ мореплаватели объѣзжаютъ скалу, не спрашивая, по какому праву стоитъ она здѣсь и преграждаетъ прямой путь, такъ и въ Римѣ почитали независимость его политическихъ убѣжденій. Ему позволяли жить согласно его взглядамъ и добивались лишь, какъ чести, его присутствія въ столицѣ. Онъ оставилъ послѣ себя обширное царство, носившее его имя. Каждое изъ его твореній стало сѣменемъ, изъ котораго выросло множество другихъ. Дѣйствительно, необозримо число произведеній, созданныхъ въ шестнадцатомъ и семнадцатомъ вѣкахъ по даннымъ имъ образцамъ. Какъ личность Данте отразила въ себѣ тринадцатое столѣтіе и начало четырнадцатаго, такъ Микель-Анджело отразилъ въ себѣ три слѣдующихъ вѣка. Въ это именно время Лютеръ достигъ въ Германіи такого-же всеобъемлющаго вліянія, правда, другими средствами, на иномъ поприщѣ, и обѣ эти личности являютъ намъ противоположность двухъ одинаково мощныхъ геніевъ двухъ націй.

Съ этой стороны Микель-Анджело изученъ мало. Лишь инстинктивно чувствовалось всегда, что имя его представляетъ символъ всесторонней творческой дѣятельности. Неразрывная связь, существующая между его личной судьбой, судьбами его родины и содержаніемъ его произведеній, еще не проникла въ сознаніе культурнаго общества. Поэтому мнѣ казалось, что изображеніе его жизни подъ этимъ угломъ зрѣнія было-бы не лишено значенія.

Въ нашемъ распоряженіи имѣются двѣ довольно обширныя біографіи Микель-Анджело, написанныя еще при его жизни. Обѣ онѣ составлены художниками, называвшими себя его учениками. Одна изъ нихъ принадлежитъ Асканью Кондиви, жившему у Микель-Анджело, другая—Джіорджіо Вазари, придворному живописцу флорентійскихъ герцоговъ, архитектору и литератору. Онъ выпустилъ въ 1550 году книгу, названную: «Жизнеописаніе выдающихся живописцевъ, скульпторовъ и зодчихъ». Біографія Микель-Анджело составляетъ конецъ третьей и послѣдней ея части.

О личности Вазари не можетъ быть двухъ мнѣній. Его достоинства и недостатки слишкомъ очевидны. Онъ былъ на своемъ посту посредникомъ между дворомъ и художниками. Но во всемъ, что онъ дѣлалъ, онъ имѣлъ въ виду лишь одно—заслужить благоволеніе

МИКЕЛЬ-АНДЖЕЛО.

СОТВОРЕНИЕ АДАМА.

СИГСТИНСКАЯ КАПЕЛЛА. РИМЪ.

своихъ властителей и покровителей. Многихъ изъ нихъ онъ пережилъ. Онъ хвастливо причислялъ себя къ сонму первыхъ мастеровъ своего времени. О недостаткахъ Микель-Анджело и другихъ художниковъ онъ говорилъ тономъ превосходства, желая намекнуть, что онъ эти недостатки понялъ, сдѣлалъ необходимые выводы и сумѣлъ избѣгнуть ихъ на собственномъ пути. О произведеніяхъ своей кисти онъ отзывается съ притворной скромностью, за которой слышится надежда, что другіе сумѣютъ оцѣнить его. О себѣ и всей своей дѣятельности онъ пишетъ въ третьемъ лицѣ, и тонъ его въ такихъ случаяхъ пріобрѣтаетъ особую почтительность. Съ тѣмъ, кто ему противорѣчитъ, или кто ему не нравится, онъ обращается безцеремонно, какъ театральнѣйшій рецензентъ съ актеромъ, которому хочетъ показать, что онъ сила, что шутить съ нимъ нельзя. Въ этомъ направленіи Вазари часто доходитъ до непозволительныхъ предѣловъ: художниковъ, съ которыми у него были личные счеты, онъ обвинялъ въ такихъ постыдныхъ дѣяніяхъ, что они съ трудомъ возстановляли свое доброе имя. На точность его датъ нельзя полагаться. Онъ указываетъ невѣрные годы и иногда описываетъ картины такъ небрежно, что онѣ становятся въ его изображеніи неузнаваемыми. Сличая его утвержденія съ достовѣрными документами, обнаруживаешь рядъ ошибокъ. При ознакомленіи съ источниками, мы видимъ, что онъ произвольно выпускалъ то, что ему не нравилось, и, не стѣсняясь, добавлялъ собственные измышленія.

Тѣмъ не менѣе, книга его представляетъ очень цѣнную, необходимую работу. Тѣ первоисточники, которыми мы теперь располагаемъ, были ему неизвѣстны. Ему и его вѣку недоставало остраго чутья критики, отличающаго изслѣдователей современныхъ. Но его книга навсегда останется для любителя искусства сокровищницей, неистощимой по своимъ богатствамъ. Стилъ ея ясенъ, сжатъ, міровоззрѣніе жизнерадостно и трезво. Въ общемъ, заслуги Вазари настолько велики, что искупаютъ всѣ его прегрѣшенія.

По странной случайности, именно отрицательнымъ свойствамъ Вазари обязаны мы тѣмъ, что имѣемъ достовѣрное свидѣтельство о жизни Микель-Анджело. Напечатавъ свою книгу, Вазари отправилъ ее престарѣлому Буонарроти, приславшему ему въ отвѣтъ хвалебный сонетъ. Но то былъ лишь актъ вынужденной вѣжливости. Настоящимъ-же отвѣтомъ Микель-Анджело на книгу Вазари было появленіе біографіи Кондиви. Кондиви былъ близкимъ къ Микель-Анджело челоуѣкомъ и жилъ въ одномъ съ нимъ домѣ, а Вазари былъ далекъ отъ него, хотя онъ и старался представить дѣло въ другомъ свѣтѣ. Лестныя письма Микель-Анджело къ Вазари относятся, такимъ образомъ, скорѣе къ придворному комиссіонеру, чѣмъ къ художнику. Что Вазари не зналъ интимной

жизни Микель-Анджело, объ этомъ лучше всего свидѣтельствуеетъ именно его книга. Трудно вообразить себѣ что-либо болѣе поверхностное, лживое, жалкое, чѣмъ составленная имъ біографія 1550 года. Важнѣйшія событія онъ обходитъ молчаніемъ, искажаетъ факты и приводитъ ихъ въ подтасованномъ видѣ, ничего не говоритъ о юности Микель-Анджело и, не умѣя давать содержательной правды, прибѣгаетъ къ пустымъ хвалебнымъ тирадамъ.

Но Микель-Анджело, очевидно, хотѣлъ возстановить о себѣ правду, не задѣвая самолюбія Вазари. Поэтому Кондиви ни разу не называетъ въ своей книгѣ его имени. Гдѣ ему по необходимости приходится намекать на Вазари, онъ всюду прибѣгаетъ ко множественному числу, неопредѣленно говоря о лицахъ, заслуживающихъ порицанія.

«Съ того самага часа,—читаемъ мы въ предисловіи Кондиви,—когда Божіе милосердіе сочло меня достойнымъ, превыше всѣхъ моихъ надеждъ, не только видѣть лицомъ къ лицу единственнаго живописца и скульптора, Микель-Анджело-Буонарроти, но и быть его повседневнымъ собесѣдникомъ въ нашей совмѣстной жизни, я началъ, въ сознаниі выпавшаго на мою долю великаго счастья, изъ любви къ искусству, которому я служу, и изъ чувства благодарности за то добро, которымъ онъ меня одарялъ, наблюдать и отмѣчать всѣ его правила, всѣ его предписанія. Все, что онъ говорилъ, что дѣлалъ, весь ходъ его жизни, однимъ словомъ, все, что казалось мнѣ достойнымъ удивленія, подражанія и похвалы, я отмѣчалъ для книги, когда наступитъ для нея удобное время. Этимъ я хотѣлъ отблагодарить его, по мѣрѣ моихъ силъ, за все его отношеніе ко мнѣ. Моими замѣтками, въ которыхъ изображена жизнь этого человѣка, являющагося свѣтлымъ образцомъ для насъ всѣхъ, я хотѣлъ доставить радость и пользу людямъ, такъ-какъ всякій знаетъ, насколько нашъ вѣкъ и вѣкъ грядущій обязаны ему своей славой. Чтобы почувствовать то, что сдѣлалъ онъ, достаточно сравнить его дѣла съ тѣмъ, что сдѣлали другіе.

«Въ то время какъ я въ тиши накоплялъ, по крайней мѣрѣ въ біографической части, свѣдѣнія, изъ которыхъ одни касались внѣшнихъ событій его жизни, а другія—произведеній его искусства, я былъ неожиданно вынужденъ поспѣшить съ окончаніемъ моей работы и вести ее даже въ двухъ направленіяхъ съ вредной для дѣла торопливостью. Другіе авторы тоже писали объ этомъ рѣдкомъ человѣкѣ и, стоя не такъ близко къ нему, какъ я, утверждали о немъ вещи, являющіяся созданіями ихъ воображенія, при чемъ они упускали изъ виду важныя обстоятельства его жизни. Кромѣ того, нѣкоторые біографы, съ которыми я подѣлился моими трудами, присвоили ихъ себѣ настолько, что, къ сожалѣнію, обнаружили даже намѣреніе отнять у меня и плоды моего

НЕИЗВ. ХУД. XVI В. ПОРТРЕТЪ ДЖІОРДЖІО ВАЗАРИ
УФФИЦИ :: ФЛОРЕНЦІЯ

труда и честь авторства. Вслѣдствіе этого, чтобы, съ одной стороны, помочь неосвѣдомленности однихъ и, съ другой, предотвратить несправедливость, грозящую мнѣ со стороны послѣднихъ, я рѣшился издать мое сочиненіе въ неподготовленномъ видѣ».

Далѣе идутъ извиненія за неудовлетворительный слогъ: онъ «скульпторъ, а не писатель по профессіи». За этимъ слѣдуетъ обѣщаніе дать точный перечень произведеній Микель-Анджело. Но, къ сожалѣнію, нигдѣ нѣтъ и слѣда этого перечня. Даже нѣтъ извѣстій, былъ-ли онъ когда-либо имъ составленъ и напечатанъ. «Нѣкоторые» и «другіе», о которыхъ говоритъ Кондиви, явно означаютъ одного Вазари.

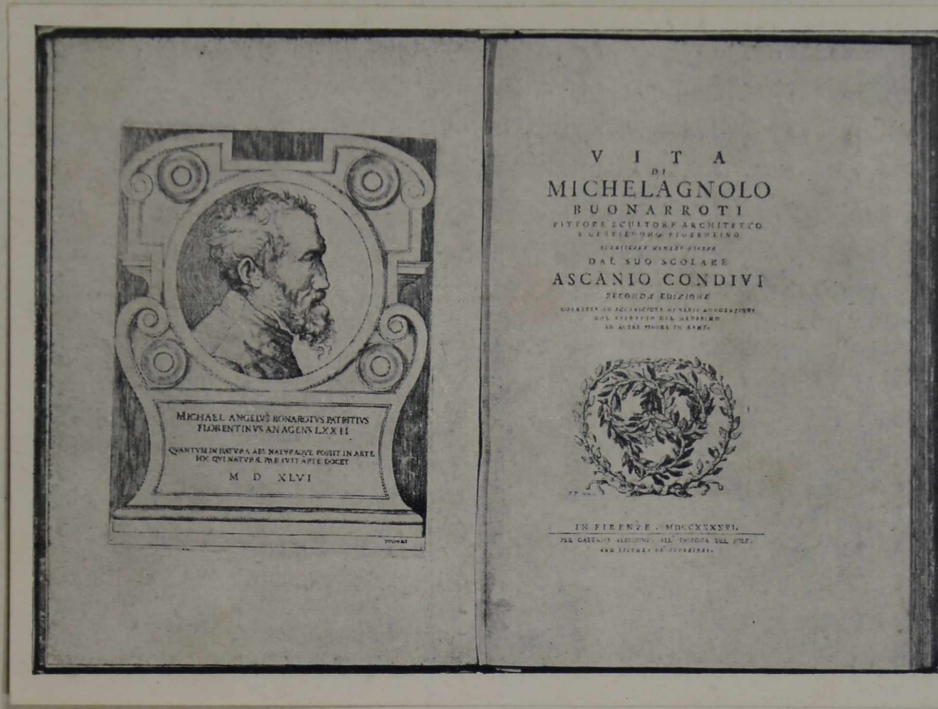
Книгу свою Кондиви посвятилъ папѣ, принявшему ее благосклонно и даже лично благодарившему ея автора. Посредникомъ въ поднесеніи книги былъ самъ Микель-Анджело. Вазари на время затаилъ обиду, но по смерти Микель-Анджело отомстилъ Кондиви по-своему.

Онъ выпустилъ новое, обработанное жизнеописаніе Микель-Анджело, воспользовавшись трудомъ Кондиви. Онъ то выписывалъ оттуда цѣлыя мѣста, то слегка измѣнялъ расположеніе словъ. При этомъ онъ не взялъ на себя даже труда исправить фактическія невѣрности перваго изданія своей книги и беззаботно переплелъ ихъ со свѣдѣніями, сообщаемыми Кондиви, такъ-что въ результатѣ получилась странная смѣсь правды и лжи. Въ книгѣ его имѣются противорѣчивыя сообщенія объ одномъ и томъ-же предметѣ—обстоятельство, произведшее немалую смуту среди ея послѣдующихъ издателей. Вазари ни разу не называетъ имени Кондиви, но прозрачно намекаетъ, что это лгунъ, человѣкъ, не заслуживающій ни малѣйшаго довѣрія, тогда-какъ онъ, Вазари, пишетъ одну лишь правду. Ни у кого, говоритъ онъ, нѣтъ такого количества лестныхъ собственноручныхъ писемъ Микель-Анджело, и никто не стоялъ къ послѣднему такъ близко, какъ онъ. Въ концѣ біографіи сообщается, что люди, постоянно окружавшіе Микель-Анджело, были его несчастьемъ. Еще разъ сославшись на свою скромность, онъ упоминаетъ о Кондиви, какъ объ ученикѣ Микель-Анджело. О книгѣ его при этомъ—ни слова. Онъ замѣчаетъ только, что въ искусствѣ Кондиви себя ничѣмъ не проявилъ, что учитель ему помогалъ, но безплодно, и что Микель-Анджело ему, Вазари, не разъ говорилъ съ сожалѣніемъ о напрасныхъ стараніяхъ бѣднаго Кондиви.

Но этого для Вазари не довольно. Гдѣ можно, онъ пытается по-своему освѣтить нѣкоторыя свѣдѣнія, сообщаемыя въ книгѣ Кондиви. Руководился-ли онъ при этомъ одной лишь фантазіей, желая опровергнуть Кондиви, вопросъ для насъ открытый. Во всякомъ случаѣ, Вазари любитъ округлять чужія фактическія данныя и, вставляя собственные краткія соображенія, устанавливаетъ между ними живую связь.

Таково происхожденіе многихъ его разсказовъ. Иногда, впрочемъ, ему удается интересно истолковать факты, взятые изъ работы Кондиви.

Во всякомъ случаѣ, Вазари достигъ своей цѣли. Весь трудъ соперника онъ внесъ въ собственную книгу и тѣмъ сдѣлалъ совершенно излишнимъ его переизданіе. Самъ онъ прославился, а Кондиви былъ такъ основательно забытъ, что когда какой-то книгопродавецъ перепечаталъ его работу въ 1746 году, онъ съ трудомъ сбылъ покупателямъ нѣсколько экземпляровъ ея.

КНИГА КОНДИВИ ИЗДАНІЯ 1746 ГОДА.

Какъ-бы мало чести ни дѣлалъ Вазари методъ, которымъ онъ воспользовался для исправленія и расширенія своей книги, и какъ-бы ни была трагически печальна судьба Кондиви (онъ утонулъ, ничего не совершивъ для безсмертія своего художественно-артистическаго имени), обѣ эти біографіи дали толчокъ къ дальнѣйшему изученію личности и творчества Микель-Анджело. Были найдены собственноручныя письма Микель-Анджело, многія изъ его стихотвореній, замѣтки въ записныхъ книжкахъ, разные контракты и другіе документы, обогатившіе наши свѣдѣнія о немъ. Піонеромъ въ этомъ дѣлѣ былъ Шлезвигъ-Гольштинскій ученый Юганнъ Гае, жившій въ Германіи и затѣмъ уѣхавшій въ Италію. Онъ изучилъ богатые архивы Флоренціи и открылъ этимъ дорогу, по которой шли впослѣдствіи и другіе. Гае умеръ

въ 1840 году, не успѣвъ закончить своего труда. Третью часть его книги напечаталъ уже фонъ Реймонъ. Названное послѣднее флорентійское изданіе Вазари заключаетъ въ себѣ превосходное сопоставленіе всѣхъ имѣвшихся къ тому времени документальныхъ матеріаловъ, а книга Кондиви, изданная на сто лѣтъ раньше, снабжена прекрасными примѣчаніями различныхъ авторовъ. Кое-какіе новые матеріалы удалось добыть также Харфоду, автору книги «Life of Michelangelo» *).

Историческіе документы о времени, взрастившемъ Микель-Анджело, чрезвычайно обильны. Ни отъ какой эпохи новѣйшей исторіи не осталось такихъ сильно и красиво написанныхъ мемуаровъ. Подъ перомъ современниковъ кажутся значительными и важными событія, которыя въ иной литературной передачѣ не обратили-бы на себя никакого вниманія. Изъ нихъ прежде всего слѣдуетъ назвать произведенія Макиавелли. Съ безпристрастіемъ, особенно изумительнымъ потому, что онъ излагаетъ событія, въ которыхъ по большей части и самъ принималъ дѣятельное участіе, Макиавелли даетъ читателю отчетъ о затаенныхъ мотивахъ, руководившихъ исторической жизнью той эпохи. Языкомъ, не уступающимъ по силѣ языку лучшихъ античныхъ писателей, передаетъ онъ политическія идеи, волновавшія его время, ни въ чемъ не искажая при этомъ взглядовъ своихъ противниковъ. Макиавелли родился въ 1469 году (за три вѣка до Наполеона и Гумбольдта) и былъ старше Микель-Анджело лишь на нѣсколько лѣтъ. Однако, онъ умеръ въ то время, когда Микель-Анджело едва свершилъ двѣ трети своего жизненнаго пути. Если-бы личная жизнь Макиавелли соотвѣтствовала величію его духа, то его можно было-бы признать, на ряду съ Микель-Анджело, величайшимъ человѣкомъ своего времени. Но отъ славы этой эпохи ему досталась только малая часть.

За нимъ идетъ Гвиччардини, обладавшій гораздо болѣе цѣльнымъ и сильнымъ характеромъ, чѣмъ Макиавелли, но по своему литературному дарованію стоявшій неизмѣримо ниже его. Гвиччардини занималъ съ раннихъ лѣтъ высокія общественныя положенія, и ему не приходилось, подобно Макиавелли, вести жизнь подчиненнаго, съ трудомъ урывающаго свободные часы для размышленій и литературной работы. По всѣмъ вѣроятіямъ, онъ вращался въ болѣе широкихъ кругахъ, видѣлъ больше людей, больше событій, чѣмъ Макиавелли. Онъ приходилъ въ личное соприкосновеніе съ такими условіями общественности, которыя Макиавелли могъ наблюдать только со стороны. Но его взоръ былъ менѣе проницателенъ и скользилъ лишь по поверхности явленій. Въ то время

---

*) Новыя біографіи Микель-Анджело всѣ вышли въ свѣтъ уже послѣ того, какъ я кончилъ работу надъ этой книгой.

какъ Макиавелли умѣлъ подниматься мыслью до пониманія общихъ законовъ, руководящихъ историческими событіями, Гвиччардини все объяснялъ только игрою злыхъ страстей. Силу ихъ онъ зналъ по собственному опыту. Онъ тоже умеръ раньше Микель-Анджело, умеръ насильственной смертью, которая была результатомъ его неразсчетливаго честолюбія.

Третій писатель той эпохи, Джіовіо, занималъ высокій духовный постъ въ Римѣ. Это былъ одинъ изъ льстецовъ, окружавшихъ тогда папскій престолъ. За деньги онъ, по собственному признанію, готовъ былъ на любой поступокъ. Но онъ умѣлъ носить свою рясу съ внѣшнимъ достоинствомъ. Какъ участникъ тогдашнихъ интригъ, онъ имѣлъ возможность сообщить въ своихъ запискахъ много интереснаго о политической жизни занимающей насъ эпохи. Среди его обширныхъ историческихъ сочиненій есть двѣ краткія, но довольно цѣнныя біографіи Рафаэля и Микель-Анджело, написанныя по-латыни. По отношенію къ Микель-Анджело Джіовіо не былъ настроенъ особенно дружественно.

Затѣмъ слѣдуетъ Бембо, носившій, какъ и Джіовіо, духовный санъ, въ старости получившій кардинальскую мантию, а въ молодости бывшій авантюристомъ и однимъ изъ безчисленныхъ возлюбленныхъ Лукреціи Борджіа. Онъ стоялъ выше Джіовіо, но въ моральномъ смыслѣ былъ не лучше его. Письма его, изданныя въ нѣсколькихъ томахъ, даютъ отраженіе образа мыслей и настроеній высшихъ круговъ тогдашняго общества. Они являются образцомъ эlegantной прозы времени упадка, льстивой и безсодержательной, блистающей пышными словами, умѣющей за пламенной риторикой скрывать свой внутренній холодъ. Какъ и Джіовіо, онъ старался держаться ближе къ сильнымъ міра, сначала слѣвавшись ихъ слугой, затѣмъ довѣреннымъ, потомъ другомъ, пока не сталъ имъ равнымъ.

Совсѣмъ изъ другой среды вышелъ Нарди. Это былъ флорентійскій демократъ знатнаго происхожденія, подвергшійся изгнанію и на чужбинѣ написавшій исторію своего роднаго города. Онъ мягокъ, благороденъ, избѣгаетъ поспѣшныхъ сужденій, но полонъ непримиримой ненависти къ врагамъ свободы, потеря которой стоила ему такъ дорого. Книгу свою онъ писалъ для такихъ-же, какъ онъ, гражданъ, принимавшихъ дѣятельное участіе въ политической жизни Флоренціи и потому прекрасно знакомыхъ со всѣми ея дѣлами.

Нерли является, наоборотъ, противникомъ свободы. Надъ нимъ тяготѣетъ обвиненіе, будто по его доносу были изгнаны изъ Флоренціи участники заговора, имѣвшаго цѣлью возстановленіе прежней независимости флорентійской республики. Нерли былъ сторонникомъ водворившагося новаго порядка. Ему казалось желаннымъ безмятежное спо-

койствіе, установившееся подъ властью единоличнаго правителя. Онъ ненавидѣлъ мятежи и возстанія, свободу-же признавалъ только въ прошломъ. Ему и одинаково съ нимъ настроеннымъ флорентійцамъ было по сердцу, что новые герцоги происходили отъ Медичи, раньше терпѣвшихъ постоянныя обиды отъ другой вѣтви этой семьи. Изъ послѣдней и вышли два лица, занимавшихъ папскій престолъ и бывшихъ первыми нарушителями республиканской свободы Флоренціи. Благодаря этому обстоятельству сторонники новыхъ герцоговъ и могли лицемѣрно выдавать себя за враговъ поработителей Флоренціи, не опасаясь въ то-же время возстановить страшную для нихъ свободу.

Послѣднія вспышки борьбы за независимость изображаетъ въ своемъ трудѣ Сеньи. Книга его, оставшаяся неизвѣстной современникамъ, написана хорошо, ясно и съ полной освѣдомленностью по затронутымъ въ ней вопросамъ, но безъ того изящества и живости, какими отмѣчены книги Нарди или Гвиччардини.

Книга Варки тоже не была напечатана, хотя и писалась по заказу самого герцога. Что-то, повидимому, не понравилось въ ней герцогу, такъ-какъ онъ не далъ разрѣшенія на ея опубликованіе. Варки, современникъ Вазари и видный членъ флорентійскаго общества, привыкшаго къ новой династїи, считался первымъ писателемъ при дворѣ герцога. На похоронахъ Микель - Анджело Варки произнесъ рѣчь. Онъ съ воодушевленіемъ говорилъ о прежней свободѣ Флоренціи и оплакивалъ ея гибель. Но то были слезы историка, относящіяся лишь къ свободѣ прошлаго и нисколько не касающіяся той новой Флоренціи, въ которой онъ жилъ. Онъ включилъ въ свою книгу всѣ свѣдѣнія, какія только можно было собрать о времени около 1530 года, но ему было не по силамъ ни освѣтить, ни даже связно изложить имѣвшійся въ его распоряженіи матеріалъ.

Насколько безпомощенъ былъ Варки въ обработкѣ находившагося у него въ рукахъ матеріала, показываютъ дошедшія до насъ письма къ нему изъ Рима одного флорентійскаго изгнанника, Бузини. Въ нихъ Бузини свободно излагаетъ свои воспоминанія о 1527—1531 годахъ. Письма эти—своеобразнѣйшее и, вмѣстѣ съ тѣмъ, типичнѣйшее проявленіе флорентійскаго духа. Тѣло и хлестко говоритъ онъ о людяхъ и событіяхъ. Это былъ демократъ изъ знатной и гордой семьи. Послѣ окончательнаго торжества своихъ противниковъ онъ предался въ Римѣ насмѣшливой апатїи по отношенію ко всѣмъ явленіямъ политической жизни, какая овладѣла въ старости и душой Микель-Анджело, когда разбились всѣ его надежды. Людямъ той эпохи казалось, что навѣки минуло время гражданской свободы.

Любопытные материалы о Флоренции того момента содержат также донесения венецианских пословъ своему правительству. Это, конечно, слишкомъ субъективные, съ партійной рѣзкостью написанные документы, но составленные и освѣщенные безпристрастными людьми, одинаково чуждыми обѣимъ борющимся во Флоренціи группамъ и имѣвшими въ виду лишь интересы республики св. Марка.

Крайне цѣнными являются для насъ еще два полярно противоположныхъ по духу источника. Я говорю о сочиненіяхъ и проповѣдяхъ Савонаролы и о дневникахъ папскихъ церемоніймейстеровъ Буркардо и Париса деи Граффи. Савонарола вводитъ насъ въ міръ пророческаго оду-

МИКЕЛЬ-АНДЖЕЛО.

АЛЬБЕРТИНА. ВѢНА.

ЭСКИЗЪ.

шевленія, а лѣтописцы папскаго двора—посвящаютъ насъ во всѣ подробности жизни Ватикана, начиная съ вопросовъ придворнаго церемоніала и кончая интимнѣйшими событіями. Въ одномъ—героическій пылъ человѣка, идущаго навстрѣчу грядущему историческому перевороту, въ другихъ—наблюдательность, обращенная на застывшія явленія внѣшняго характера, движимая однимъ лишь чувствомъ зависти.

Къ этому перечню надо добавить множество сухихъ хроникъ и мемуаровъ, а также книги разнороднаго содержанія, написанныя въ то время. Всѣ онѣ содержатъ кое-какія свѣдѣнія, имѣющія для насъ значеніе. Нѣтъ возможности не только исчерпать, но и перечислить эти источники. Приходится ограничиться лишь самымъ значительнымъ, самымъ выдающимся.

Съ такими-то матеріалами въ рукахъ приступалъ я къ составленію жизнеописанія Микель-Анджело. Тогда было извѣстно, что въ архивѣ семьи Буонарроти хранится множество важныхъ писемъ и документовъ, но доступъ къ этому архиву былъ для всѣхъ закрытъ. Въ 1860 году умеръ послѣдній изъ Буонарроти. Онъ завѣщалъ свой архивъ Флоренціи. Особая комиссія опубликовала списокъ хранящихся въ немъ бумагъ. Тогда родилась надежда, что откроются, наконецъ, и сокровища, такъ долго хранившіяся подъ спудомъ. Но встало новое неожиданное препятствіе: графъ Буонарроти обусловилъ свой даръ городу обязательствомъ такъ-же строго охранять тайну этого архива, никому ея не довѣряя, какъ она хранилась до этого. Итакъ, казалось, исчезла послѣдняя надежда продолжать работу надъ постиженіемъ личности Микель-Анджело.

Однако, счастливый случай уберегъ нѣкоторую долю наслѣдія Буонарроти отъ этого строгаго запрета. Часть бумагъ попала въ собственность Британскаго Музея. Здѣсь, конечно, уничтожились препятствія для изученія этихъ историческихъ сокровищъ, и мнѣ удалось прочесть обширную переписку Микель-Анджело съ тремя его корреспондентами, а также и другіе важные документы. Манускрипты, исписанные четкой рукой Микель-Анджело, прекрасно сохранились и читаются съ такою-же легкостью, какъ и печатный текстъ.

Въ Британскомъ Музеѣ мнѣ удалось использовать полтора ста писемъ. При переработкѣ моей книги для новыхъ изданій, отъ второго до четвертаго, я вынужденъ былъ ограничиться лишь матеріаломъ, въ нихъ заключающимся. Но ко дню четырехсотлѣтія рожденія Микель-Анджело была, наконецъ, напечатана бѣльшая часть писемъ и флорентійскаго архива, составившихъ вмѣстѣ съ письмами Британскаго Музея довольно объемистый томъ. Не могу при этомъ умолчать объ одномъ выводѣ, который я сдѣлалъ во время изученія этихъ писемъ: онъ все болѣе оправдывается, по мѣрѣ того какъ новые матеріалы, разоблачающіе новые факты, становятся достояніемъ науки.

Чѣмъ больше я углублялся въ мою работу надъ жизнеописаніемъ Микель-Анджело, тѣмъ больше открывалось передо мной путей, расходящихся отъ этого человѣка во всѣ стороны или ведущихъ отъ явленій того времени къ его необъятной личности. Это не значитъ, что во всемъ сказывается его непосредственное вліяніе, но вездѣ обнаруживается связь его духовнаго развитія и творчества съ тѣмъ, что происходило вокругъ него. Все настоятельнѣе ощущалъ я необходимость собрать свѣдѣнія обо всѣхъ событіяхъ, окружавшихъ его жизнь, чтобы ближе подойти къ нему и лучше понять его индивидуальность. Мнѣ не разъ приходилось выслушивать упрекъ въ томъ, что я назвалъ свою книгу «Жизнью Микель-Анджело», тогда-какъ, по содержанію своему, она должна была-бы назы-

МИКЕЛЬ-АНДЖЕЛО.

УФФИЦИ. ФЛОРЕНЦИЯ.

ЭСКИЗЪ КЪ ЛИВІЙСКОЙ СИВИЛѢ.

ваться «Микель-Анджело и его время». Но Микель-Анджело и события, имъ пережитыя, представляютъ одно нераздѣльное явленіе. Чѣмъ выше духъ человѣка, тѣмъ шире поле его воспріятій, и все, что

попадаетъ въ границы этого поля, становится элементомъ его бытія. Поэтому каждый шагъ, который я дѣлалъ въ изученіи Микель-Анджело, только явственнѣе обнаруживалъ передо мною недостаточность моихъ знаній. И всякій разъ, когда мнѣ удавалось, наконецъ, охватить предметъ съ одной какой-нибудь стороны, для меня тотчасъ же выяснялось, со сколькихъ еще другихъ сторонъ необходимо изучить его, чтобы имѣть возможность выразить вѣрное о немъ сужденіе.

Масса свѣдѣній о сокровеннѣйшихъ мысляхъ Микель-Анджело и его интимнѣйшихъ связяхъ съ людьми, которую доставили намъ его письма, должна была-бы, наконецъ, заставить замолчать чувство, говорящее, что, по существу, мы очень мало знаемъ о немъ. На самомъ-же дѣлѣ увеличивающійся запасъ документовъ больше запутываетъ, чѣмъ уясняетъ бывшее доселѣ темнымъ. Теперь намъ извѣстны такія вещи, о какихъ не подозрѣвали современники, стоявшіе очень близко къ самому Микель-Анджело. Мы знаемъ даже то, о чемъ забылъ и самъ Микель-Анджело, рассказывая свою жизнь Кондиви. И, все-же, люди, приходившіе съ нимъ въ непосредственное общеніе, судили о немъ лучше насъ, хотя они и не были посвящены въ открывшіяся намъ тайны. То-же самое вѣдь мы ощущаемъ и въ нашемъ отношеніи къ Гёте. Относительно многихъ его произведеній мы можемъ теперь почти съ точностью опредѣлить день и часъ, когда они были впервые набросаны, когда онъ отрывался отъ работы надъ ними, когда вновь принимался за нее, и когда она была закончена. Мы, пожалуй, даже освѣдомленнѣе относительно всего этого, когда сравниваемъ даты, заключающіяся въ его многочисленныхъ автобіографическихъ письмахъ, нежели онъ самъ. Но что пользы въ этомъ? Развѣ всѣ замѣтки гётевскихъ писемъ о зарожденіи замысла Ифигеніи могли-бы замѣнить хотя-бы нѣсколько строкъ этого стихотворенія, если-бы оно не дошло до насъ? Творчество художника гораздо болѣе возвышенно, чѣмъ земная его судьба. Прослѣдить открывающіяся намъ въ своихъ результатахъ проявленія его духа по первоисточникамъ невозможно. Такую безпомощность испытываемъ мы даже по отношенію къ Гёте, хотя онъ и ушелъ отъ насъ такъ недавно, хотя его овѣвалъ воздухъ почти общій съ нами, хотя мы имѣемъ отъ него вдесятеро больше писемъ, чѣмъ отъ Микель-Анджело. И если для того, чтобы почувствовать личность Гёте, нужно изучать не его рукописи, а его время и углубляться душой въ его поэзію, то насколько болѣе необходимо это по отношенію къ Микель-Анджело. Писательство не было его призваніемъ, письма свои онъ почти всегда приспособлялъ къ облику адресата и рѣдко открывалъ въ нихъ свое сердце съ той полнотой, съ какою онъ дѣлалъ это въ своихъ произведеніяхъ, поступкахъ и даже въ своихъ стихахъ. Корреспонденція Микель-Анджело

МИКЕЛЬ-АНДЖЕЛО.

СИГСТИНСКАЯ КАПЕЛЛА. РИМЪ.

ЛИВІЙСКАЯ СИВИЛЛА.

почти не отражаетъ теченій бурлившей вокругъ него жизни, его печалей по поводу неудачъ, его надеждъ на будущее. Правда, нѣкоторыя изъ чертъ его личности, о которыхъ раньше можно было только съ трудомъ догадываться, выступаютъ въ ней съ большою остротою, но онѣ прорываются почти всегда по поводу маловажныхъ обстоятельствъ. Письма Микель-Анджело даютъ, конечно, очень много цѣннаго. Какъ только познакомишься съ ними, они становятся нераздѣльной частью его личности. Но все-же, будь въ нашемъ распоряженіи только его творенія, біографія Кондиви и исторія Флоренціи и Рима, мы могли-бы уже изъ одного этого матеріала возсоздать во весь ростъ личность великана. Все-же остальное помогаетъ лишь отдѣлкѣ мелочей, нисколько не вліяя на общую композицію фигуры.

Поэтому еще неопубликованные матеріалы флорентійскаго архива не привлекаютъ къ себѣ уже того любопытства, съ какимъ цѣнители Микель-Анджело нѣкогда ожидали напечатанія его писемъ. Говорятъ, что хранится еще болѣе тысячи адресованныхъ къ нему посланій. Несомнѣнно, и они могли-бы дать намъ болѣе точныя свѣдѣнія о датахъ возникновенія его произведеній и срокахъ, въ продолженіе которыхъ онъ надъ ними работалъ. Кромѣ того, изъ нихъ мы узнали-бы подробно о нѣкоторыхъ внѣшнихъ событіяхъ въ жизни Микель-Анджело, почти совсѣмъ намъ неизвѣстныхъ или извѣстныхъ слишкомъ мало. Однако, по всей вѣроятности, съ этими письмами случилось-бы то-же самое, что и съ прежними. Лишь только свѣдѣнія, съ такой настойчивостью разыскиваемая, попадутъ въ наши руки, мы постараемся отставить ихъ отъ себя подальше, такъ-какъ почувствуемъ, что они своимъ мелочнымъ содержаніемъ только затемняютъ четкій образъ художника.

Эти недоступные для насъ матеріалы были, конечно, открыты для флорентійскихъ ученыхъ, и этому обстоятельству и обязана, главнымъ образомъ, своимъ крупнымъ значеніемъ біографія Микель-Анджело, написанная Авреліо Готти въ 1876 году. Въ ней я нашелъ много такого, что безъ нея осталось-бы для меня совершенно неизвѣстнымъ. Благодаря этимъ своимъ цѣннымъ качествамъ книга Готти должна быть выдѣлена изъ числа всѣхъ работъ, появившихся въ Италіи, Франціи и Германіи ко дню празднованія четырехсотлѣтняго юбилея рожденія Микель-Анджело.

ДОМЕНИКО
ГИРЛАНДАЙО
АВТОПОРТРЕТЪ
ДЕТАЛЬ ФРЕСКИ
С МАРИА НОВЕЛЛА

САНТА МАРИА НОВЕЛЛА. ФЛОРЕНЦІЯ.

Въ 1250 году Симоне Каносса, родоначальникъ семьи Буонарроти, поселился во Флоренціи и вскорѣ за выдающіяся услуги, оказанныя городу, былъ награжденъ правами природнаго флорентійскаго гражданина. Будучи вначалѣ гибелиномъ, онъ въ послѣдствіи перешелъ на сторону гвельфовъ и потому измѣнилъ цвѣта своего родового герба: бѣлую собаку съ костью въ зубахъ на красномъ полѣ онъ замѣнилъ золотою собакою на голубомъ полѣ. Къ этимъ гербовымъ знакамъ

флорентійская Синьорія добавила ему пять лилій и шлемъ съ двумя бычачьими рогами, золотымъ и голубымъ. Такъ рассказываетъ Кондиви.

Въ жилахъ Симоне, происходившаго отъ графскаго рода Каносса, сообщаетъ далѣе тотъ-же авторъ, текла императорская кровь. Родоначальницей этихъ графовъ была, будто-бы, Беатриче, сестра императора Генриха Второго. Описанный выше гербъ находится въ палаццо флорентійскаго подесты, гдѣ онъ, по распоряженію Симоне Каноссы, вмѣстѣ

съ другими гербами былъ высѣченъ изъ мрамора. Фамилія-же Буонарроти произошла, по словамъ Кондиви, слѣдующимъ образомъ: по семейной традиціи это имя давалось каждому первенцу при крещеніи, и, такимъ образомъ, оно стало какъ-бы прозвищемъ всего рода. Наконецъ, по какому-то недосмотру, оно замѣнило въ официальныхъ документахъ настоящее имя семьи—Каносса.

Повидимому, Кондиви почерпнулъ эти свѣдѣнія изъ разсказовъ своего престарѣлаго учителя, и, слѣдовательно, самъ Микель-Анджело вѣрилъ, что въ жилахъ его течетъ императорская кровь. Буонарроти крѣпко держались семейныхъ традицій. Но флорентійскіе историки, несмотря на всѣ изысканія, не могли найти никакихъ указаній на существованіе Симоне Каноссы, бывшего около 1250 года подестой города. Упомянутый о немъ нѣтъ даже и въ семейныхъ документахъ графовъ Каносса. Да и гербъ Симоне, какъ его описываетъ Кондиви, ничѣмъ не похожъ ни на гербъ графовъ Каносса, ни на гербъ рода Буонарроти. Послѣдній представляетъ изъ себя двѣ золотыхъ перекладины на голубомъ полѣ и ничѣмъ не напоминаетъ золотой собаки съ костью въ зубахъ.

Эта вымышленная собака даетъ нѣкоторую разгадку всей басни. Въ средніе вѣка существовалъ своеобразный способъ символическаго толкованія словъ. Собака (canis) съ костью (os) въ зубахъ (os) могла тѣмъ-же путемъ привести къ имени «Каносса», какимъ доминиканскіе монахи (domini canes) превратились въ «собакъ Господа». Но много существеннѣе, чѣмъ объясненія этой легенды, то обстоятельство, что престарѣлый, демократически настроенный Микель-Анджело, ярый сторонникъ гвельфовъ, похваляется своимъ происхожденіемъ отъ древней гибелинской высшей знати, и что, какъ свидѣтельствуется сохранившееся письмо одного изъ Каносса отъ 1520 года, графскій родъ допускалъ его достовѣрность. Графъ Александръ Каносса величаетъ Микель-Анджело въ письмѣ къ нему своимъ достоважаемымъ родственникомъ, *parente onorato*, приглашаетъ его къ себѣ, проситъ смотрѣть на домъ его семьи, какъ на свой собственный, и доходитъ даже до того, что называетъ его Микель-Анджело Буонарроти да Каносса.

Буонарроти, или, какъ сами они называли себя, Буонарроти Симоне, были однимъ изъ знатнѣйшихъ флорентійскихъ родовъ. Ихъ имя часто встрѣчается въ спискахъ должностныхъ лицъ города. Въ 1456 году дѣдъ Микель-Анджело засѣдалъ въ Синьоріи, въ 1473 году отецъ его былъ членомъ коллегіи *Вуопоміні*, комитета изъ двѣнадцати гражданъ, игравшаго роль совѣта при Синьоріи. Въ слѣдующемъ году онъ былъ назначенъ подестой двухъ небольшихъ укрѣпленныхъ городковъ, Кіузи и Канрезе, лежавшихъ въ долинѣ Сингарны, незначительнаго притока Тибра. Тибръ беретъ начало тоже неподалеку отъ этихъ городковъ

и представляет до слиянія съ Сингарной совсѣмъ небольшую рѣчку. Мѣстность здѣсь гористая.

Отецъ Микель-Анджело, Людовико, отправился изъ Флоренціи на мѣсто своего служенія. Жена его, Франческа, происходившая тоже изъ знатной семьи, сопровождала своего мужа въ этомъ путешествіи верхомъ, несмотря на свою беременность. Эта поѣздка могла стать роковой для матери и для ребенка, такъ-какъ Франческа упала съ лошади и, запутавшись въ стремяхъ, волочилась нѣкоторое время по землѣ. Но это происшествіе не имѣло вредныхъ послѣдствій, и 6 марта 1475 года, въ два часа пополудни, она родила мальчика, которому при крещеніи дали имя Микель-Анджело. Это былъ уже второй ребенокъ Франчески, хотя ей было въ это время всего девятнадцать лѣтъ. Людовико-же шелъ тридцать первый годъ. Отца Людовико уже не было въ живыхъ, но мать его, мона Лезандра (или мадонна Александра), шестидесятилѣтняя старушка, была еще жива.

Въ 1476 году, съ окончаніемъ срока своего избранія, Людовико вернулся во Флоренцію. Маленькій Микель-Анджело былъ оставленъ въ трехъ миляхъ отъ Флоренціи, въ Сеттиньяно, гдѣ у Буонарроти было небольшое имѣніе. Ребенка отдали на попеченіе кормилицы, жены каменотеса. Сеттиньяно лежитъ среди горъ. Микель-Анджело любилъ въ послѣдствіи шутя говорить, что нѣтъ ничего удивительнаго въ его склонности къ скульптурѣ и архитектурѣ, такъ-какъ онъ впиталъ ее въ младенчествѣ съ молокомъ своей кормилицы. Въ Сеттиньяно еще въ прошломъ вѣкѣ показывали первые наброски мальчика, сдѣланные имъ на стѣнахъ дома, гдѣ онъ росъ. Продолженіе этихъ попытокъ можно было видѣть въ нижнемъ этажѣ его родительскаго дома во Флоренціи. Микель-Анджело сталъ рисовать съ того самаго дня, когда научился владѣть своими руками.

Съ годами семья Людовико Буонарроти умножилась. Братья Микель-Анджело готовились къ торговой дѣятельности, обычной карьерѣ флорентійцевъ. Самого-же Микель-Анджело родители хотѣли сдѣлать ученымъ и отдали въ школу Франческо изъ Урбино, преподававшего флорентійскому юношеству грамматику. Будущій художникъ немного вынесъ изъ этой школы. Онъ отдавалъ все свое время рисованію и постоянно вертѣлся въ мастерскихъ мѣстныхъ художниковъ.

Здѣсь онъ познакомился и близко подружился съ Франческо Граначчи, красивымъ и чрезвычайно даровитымъ мальчикомъ, бывшимъ лѣтъ на пять старше Микель-Анджело. Граначчи былъ въ то время ученикомъ художника Доменико Гирландайо, или, какъ говорятъ во Флоренціи, Гриландайо. Подъ вліяніемъ своего друга Микель-Анджело забросилъ ученіе и рѣшилъ сдѣлаться живописцемъ. Отецъ его и братья

отца, гордые флорентійскіе купцы, въ глазахъ которыхъ живопись была низкимъ и невыгоднымъ ремесломъ, пустили въ ходъ всѣ средства убѣжденія вплоть до побоевъ. Но Микель-Анджело остался непреклоннымъ,

НЕИЗВ. АВТОРА.

БРИТАН. МУЗЕЙ.

ФАНТАСТИЧЕСКІЙ НАБРОСОКЪ ПОРТРЕТА
МИКЕЛЬ-АНДЖЕЛО.

и 1 апрѣля 1488 года Людовико Буонарроти подписалъ контрактъ, согласно которому сынъ его поступалъ на три года въ ученье къ мастерамъ Доменико и Давиду Грилландайо. Въ теченіе этого времени онъ долженъ былъ обучаться рисованію, живописи и другимъ предметамъ. Платы за ученіе тогда не существовало. Наоборотъ, учителя обязыва-

лись выплачивать своему ученику шесть золотыхъ за первый годъ, восемь за второй и десять за третій. Микель-Анджело было всего четырнадцать лѣтъ, когда въ первый разъ онъ настоялъ на осуществленіи своей воли.

Интересно, что хотя Микель-Анджело въ юности такъ страстно желалъ сдѣлаться живописцемъ, въ зрѣломъ возрастѣ въ немъ пробудилось то-же пренебрежительное отношеніе къ людямъ, занимающимся этимъ искусствомъ, какое въ свое время выказывали старшіе члены его семьи. Въ молодости онъ называлъ себя «Микель-Анджело, скульпторъ», а въ старости очень сердился, если его такъ титуловали. Въ одномъ письмѣ изъ Рима къ племяннику своему онъ жалуется, что какой-то флорентіецъ осмѣлился такъ обозначить его имя на адресѣ письма. Онъ заявляетъ, что извѣстенъ въ Римѣ, какъ Микель-Анджело Буонарроти, а не какъ скульпторъ Микель-Анджело, что онъ никогда не держалъ открытой художественной мастерской, щадя доброе имя своего отца и братьевъ, и что, если онъ и поступилъ на службу къ папскому двору, то лишь потому, что это было неизбежно.

Доменико Гирландайо былъ главнымъ хозяиномъ мастерской, куда поступилъ юный Микель-Анджело, и считался лучшимъ во Флоренціи живописцемъ. Какъ разъ въ это время онъ предпринялъ огромную работу. Ему было поручено заново расписать хоры въ церкви Санта Маріа Новелла. Дождевые потоки, проникавшіе внутрь церкви черезъ испортившуюся отъ старости крышу, сильно испортили старыя фрески, написанныя въ манерѣ Джіотто художникомъ Орканья, строителемъ такъ называемой Лоджіи деи Ланци, открытой галереи возлѣ палаццо Синьоріи. Флорентійская семья Риччи, по традиціи заботившаяся о благолѣпії этихъ хоровъ, отказалась реставрировать ихъ, испугавшись большихъ расходовъ. Каждая знатная семья имѣла свою капеллу въ одной изъ городскихъ церквей, гдѣ она хоронила своихъ покойниковъ. Украшеніе капеллы являлось, поэтому, вопросомъ семейной чести. Такъ-какъ Риччи, отказавшись отъ реставраціи, не хотѣли ни за что уступить другимъ свои традиціонныя права и не позволяли никому произвести необходимыя работы по возстановленію поврежденной живописи, то фрески Орканья были предоставлены своей судьбѣ и приходили въ чрезвычайно жалкое состояніе. Наконецъ, Торнабуони, одна изъ богатѣйшихъ семей во Флоренціи, предложили принять всѣ расходы по реставраціи на свой счетъ, не требуя взаменъ никакихъ правъ на пользование хорами и даже обѣщая съ особой роскошью подновить находившійся на хорахъ семейный гербъ Риччи. Послѣдніе согласились на это. Работа была передана Гирландайо. Художникъ потребовалъ 1.200 золотыхъ вознагражденія и еще 200 добавочныхъ, если ему удастся исполнѣ

МИКЕЛЬ-АНДЖЕЛО.

МУЗЕЙ ТЕЙЛЕРЪ. ГАРЛЕМЪ.

ЭСКИЗЪ ВОИНА.

МИКЕЛЬ-АНДЖЕЛО.

МУЗЕЙ ТЕЙЛЕРЪ. ГАРЛЕМЪ.

ЭСКИЗЪ ВОИНА.

удовлетворить своихъ заказчиковъ. Въ 1485 году начались работы на хорахъ Санта Маріа Новелла.

Капелла эта представляетъ собой четырехугольную сводчатую галерею, за среднимъ кораблемъ церкви, отдѣленную отъ него верхнею частью высокаго алтаря, позади котораго она находится. Задняя ея стѣна почти вся занята большимъ окномъ, такъ-что расписать фресками нужно было только остальные двѣ стѣны, справа и слѣва отъ входа. Эти стѣны были раздѣлены въ горизонтальномъ напра-

ДОМЕНИКО ГИРЛАНДАЙО.

С. МАРИА НОВЕЛЛА. ФЛОРЕНЦІЯ.

РОЖДЕНИЕ СВ. ЮАННА КРЕСТИТЕЛЯ.

вленіи на длинныя части и должны были быть сверху донизу заполнены композиціями *al fresco* на темы библейской исторіи. Это значитъ, что картины должны были носить библейскія названія, но на самомъ дѣлѣ онѣ изображали группы извѣстныхъ и неизвѣстныхъ флорентійскихъ красавицъ, знаменитостей, мужчинъ, женщинъ и ихъ дѣтей, смотря по тому, чего требовали обстоятельства. Всѣ эти фигуры наряжены въ современныя художнику одежды и сгруппированы такъ, будто событіе, изображенное на картинѣ, происходило нѣсколько дней назадъ на улицахъ Флоренціи или въ одномъ изъ ея домовъ. Такая не историческая манера трактованія сюжетовъ Св. Писанія присуща всякой эпохѣ

мощнаго и наивнаго развитія искусства. Рембрандтъ помѣстилъ Марію въ хлѣвѣ, ничѣмъ не отличающемся отъ голландскихъ скотныхъ дворовъ его времени, а Рафаэль изобразилъ ее среди развалинъ древняго римскаго зданія, мимо которыхъ онъ, вѣроятно, ежедневно проходилъ.

Вазари приводитъ любопытныя свѣдѣнія объ этихъ фрескахъ Гирландайо. Въ его время еще помнили людей, на нихъ изображенныхъ. Здѣсь мы видимъ всю семью Торнабуони, отъ старшаго ея члена до самаго младшаго, видимъ Медичи и ихъ свиту. Тутъ

ДОМЕНИКО ГИРЛАНДАЙО.

С. МАРИА НОВЕЛЛА. ФЛОРЕНЦІЯ.

ВСТРѢЧА МАРИИ И ЕЛИЗАВЕТЫ.

находятся Марсиліо Фичино, философъ платонической школы, воспитанникъ стараго Козимо, Анджело Полиціанъ, поэтъ, филологъ и воспитатель дѣтей Лоренцо деи Медичи, и другіе знаменитые люди тогдашней Италіи. Среди женщинъ, на картинѣ, представляющей встрѣчу Маріи и Елизаветы, изображена прелестная Джиневра деи Бенчи, красивѣйшая изъ флорентійскихъ женщинъ того времени. Далѣе, у родильнаго ложа св. Анны толпятся другія извѣстныя дамы въ роскошныхъ туалетахъ. Одна съ фруктами и виномъ въ рукахъ, принесенными, по итальянскому обычаю, въ даръ родильницѣ. На другой картинѣ Доменико изобразилъ самого себя и своего брата.

Семейные портреты Медичи мы встрѣчаемъ во многихъ мѣстностяхъ Италіи. Такъ на одной картинѣ въ пизанскомъ Кампо Санто старый Козмо или Козимо, какъ произносятъ его имя флорентійцы, со своей семьей и ученой свитой, изображенъ въ видѣ царя Нимврода, дающаго повелѣніе строить вавилонскую башню. На заднемъ планѣ виднѣтся панорама Вавилона. Она выполнена со множествомъ архитектурныхъ подробностей, по мотивамъ, искусно заимствованнымъ отъ римскихъ и флорентійскихъ зданій.

Такимъ образомъ, Микель-Анджело, съ первыхъ своихъ шаговъ на художественномъ поприщѣ, очутился въ атмосферѣ большой работы. Однажды, когда старшіе мастера ушли домой, онъ нарисовалъ возведенные въ церкви лѣса съ работавшими на нихъ людьми. Рисунокъ былъ необыкновенно правиленъ, и, увидѣвъ его, восхищенный Доменико воскликнулъ, что онъ самъ не могъ-бы сдѣлать его лучше. Вскорѣ, однако, успѣхи Микель-Анджело стали такъ значительны, что восхищеніе учителя смѣнилось завистью. Гирландайо нѣсколько смутился. Въ немъ проснулось чувство ревности, которое уже не разъ пробуждалось въ художникѣ при подобныхъ-же обстоятельствахъ. Данный случай оказался только наиболѣе яркимъ. Около этого времени Микель-Анджело пишетъ свою первую картину. При оживленныхъ сношеніяхъ, существовавшихъ тогда между Флоренціей и Германіей, было вполне естественно, что нѣмецкія картины и гравюры попадали въ Италію. Микель-Анджело сталъ копировать масляными красками и въ увеличенномъ размѣрѣ гравюру Мартина Шонгауера, изображающую искушеніе св. Антонія. Картина эта сохранилась и до нашихъ дней и, по однимъ свѣдѣніямъ, хранится въ галлерей семьи Бьянкони въ Болоньѣ, а по другимъ—находится въ рукахъ скульптора де Трикети въ Парижѣ (хотя непонятно, какъ могла она очутиться у него). Гравюра Шонгауера хорошо извѣстна. Со стороны композиціи она представляетъ, несомнѣнно, одну изъ лучшихъ работъ этого художника и исполнена съ богатствомъ воображенія, ничѣмъ не уступающимъ самымъ смѣлымъ нидерландскимъ работамъ въ томъ-же родѣ. Сонмъ страшныхъ чудовищъ унесъ св. Антонія въ воздухъ. Земля осталась далеко внизу, виднѣтся только вершина скалы въ одномъ углу картины. Восемь бѣсовъ тѣсно окружили бѣднаго отшельника и терзаютъ его. Одинъ впился ему когтями въ волосы, другой въ лицо, третій схватилъ Евангеліе, висящее на шнуркѣ у пояса, четвертый вырываетъ посохъ изъ рукъ—ему помогаетъ пятый. Остальные вцѣпились въ одежду Антонія, гдѣ кто могъ. Бѣсы носятся въ неистовой пляскѣ вокругъ святого, надъ нимъ и подъ его ногами. Весь животный міръ ограбленъ для того чтобы украсить жителей преисподней. Копыта, рога, клыки, хвосты, когти, все, что есть звѣринаго въ природѣ, въ фантастическомъ смѣ-

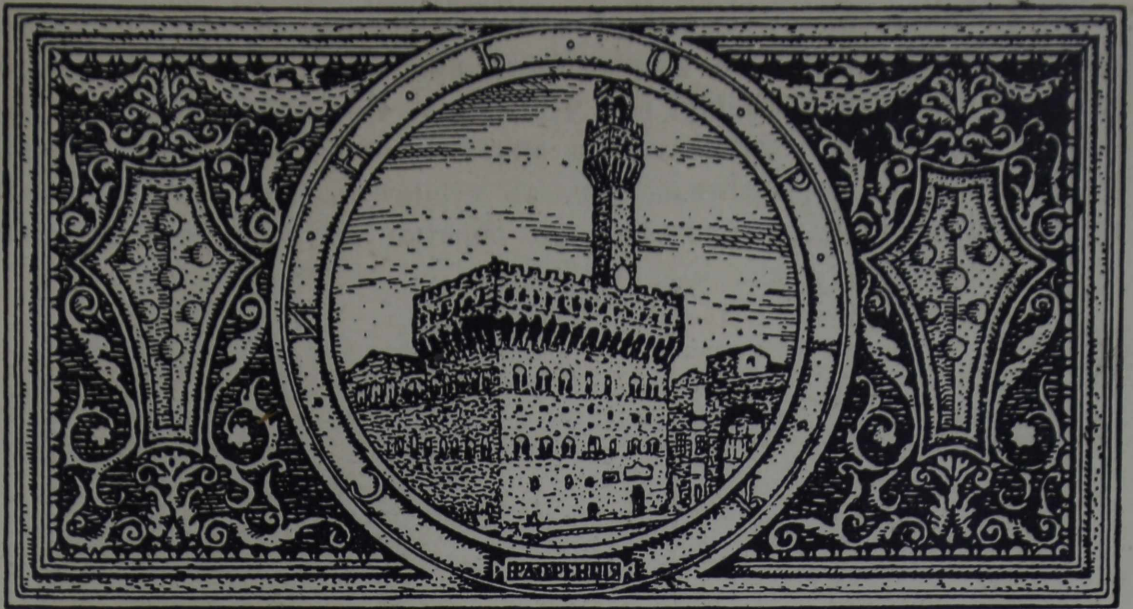
шеніи смотреть на насъ съ этой картины. Но такъ-какъ въ обликѣ этихъ дьяволовъ больше всего рыбьихъ чертъ, то Микель-Анджело, чтобы не погрѣшить противъ природы, ходилъ на рынокъ и присматривался къ продаваемымъ тамъ рыбамъ. Такимъ образомъ ему удалось написать замѣчательную картину. Гирландайо, однако, сталъ выдавать ее за произведеніе, вышедшее изъ его мастерской, утаивая имя автора и даже приписывая ее своей кисти, на что, впрочемъ, ему давали право обычай того времени. Гирландайо, вообще, сталъ сильно тревожиться по поводу необычайныхъ успѣховъ Микель-Анджело. Онъ пересталъ показывать ему свои эскизы, съ которыхъ охотно позволялъ копировать остальнымъ ученикамъ. Вскорѣ послѣ этого Микель-Анджело сыгралъ надъ своимъ учителемъ обидную для него шутку. Доменико какъ-то далъ ему для копированія одинъ изъ старыхъ своихъ рисунковъ на пожелтѣвшей отъ времени бумагѣ. Черезъ нѣкоторое время Микель-Анджело возвратилъ рисунокъ учителю, который спокойно принялъ его. Тогда Микель-Анджело, среди смѣха товарищей, открылъ свой обманъ. Онъ такъ похоже скопировалъ рисунокъ и такъ удачно прокоптилъ слегка бумагу, что Гирландайо не смогъ отличить работы ученика отъ своей собственной. Отношенія между учителемъ и ученикомъ окончательно испортились, и разрывъ долженъ былъ произойти неминуемо. И онъ дѣйствительно произошелъ еще до истеченія обусловленныхъ въ контрактѣ трехъ лѣтъ и къ тому-же при очень благоприятныхъ для Микель-Анджело обстоятельствахъ: на него обратилъ вниманіе Лоренцо деи Медичи, внукъ Козимо, правившій тогда во Флоренціи.

ГЕРБЪ БУОНАРРОТИ.

КОЗИМО X МЕДИЧИ

М. Д.

РАЗСМАТРИВАЕМАЯ, какъ государство, Флоренція представляла союзъ торговыхъ домовъ съ домомъ Медичи во главѣ. Отношеніе между этими домами устанавливалось само собою. Власть въ рукахъ Козимо, который удачно игралъ роль незаинтересованнаго, отстранившагося отъ общественныхъ дѣлъ гражданина, была не менѣе прочна, чѣмъ если-бы онъ былъ официальнымъ правителемъ Флоренціи. Послѣ него правилъ сынъ его Пьеро. Этотъ переходъ

власти представлялся всѣмъ столь-же естественнымъ, какъ и то, что Пьеро унаслѣдовалъ отъ отца его торговое дѣло. Несмотря на тѣлесную и духовную слабость, заслужившую ему прозвище «параличнаго», онъ въ теченіе всей своей жизни стоялъ во главѣ флорентійской республики. Послѣ смерти Пьеро его мѣсто заняли сыновья его Лоренцо и Джіуліано. Эта перемѣна и произвела замѣшательство въ дѣлахъ дома.

По внутреннимъ своимъ качествамъ Медичи остались простыми купцами, но съ внѣшней стороны они приняли новый тонъ. Козимо однажды подвергся изгнанію изъ Флоренціи. Онъ отправился тогда въ Венецію, гдѣ былъ встрѣченъ какъ признанный флорентійскій гердогъ. Флорентійцы скоро замѣтили, что, въ сущности, онъ увезъ съ собою величіе Флоренціи, и призвали его обратно на родину. Тогда онъ

ВАЗАРИ.

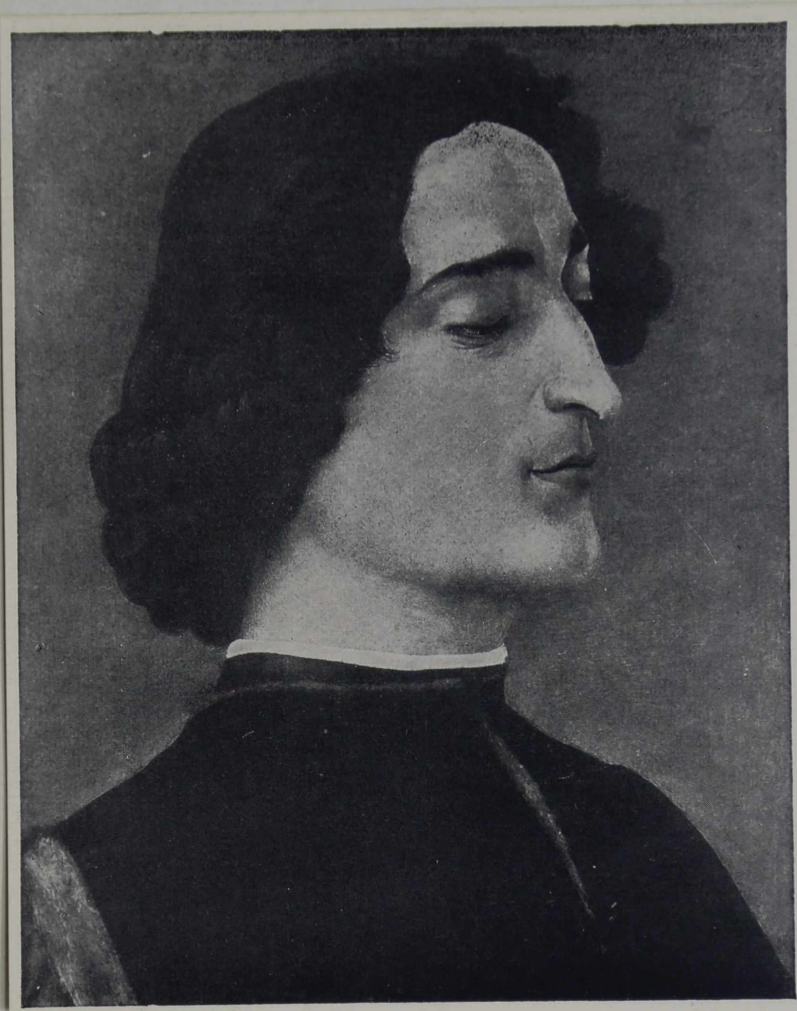
ЛОРЕНЦО МЕДИЧИ.

ФЛОРЕНЦІЯ.

сталъ фактическимъ диктаторомъ, но открыто выступалъ лишь въ дѣлахъ, не имѣвшихъ явнаго отношенія къ государственному управленію. Онъ призывалъ во Флоренцію ученыхъ, строилъ церкви и монастыри, учреждалъ цѣльныя бібліотеки, своею щедростію привлекалъ къ себѣ народныя симпатіи. Въ политическихъ-же вопросахъ за него орудовали его друзья. Достаточно посмотреть на его лицо, извѣстное по множеству портретовъ, на которыхъ онъ изображенъ въ различныхъ

возрастахъ, чтобы понять натуру этого человека. Высокія, далеко заходящія на тонко очерченный лобъ брови, длинный, нѣсколько утолщающійся книзу носъ, ротъ съ тонкими, недовѣрчиво сжатыми и немного выпяченными губами, энергичный, крѣпкій подбородокъ — все говоритъ о разсчетливомъ умѣ.

Пьеро, его преемникъ, совершилъ много ошибокъ за время своего

БОТТИЧЕЛЛИ.

ДЖІУЛІАНО МЕДИЧИ.

БЕРЛИНЪ.

правления, и, тѣмъ не менѣе, положеніе его ни разу не пошатнулось. Это ясно свидѣтельствуешь о томъ, что партія, группировавшаяся вокругъ Медичи, была достаточно сильна, чтобы удержать въ своихъ рукахъ власть даже при неспособномъ вождѣ. Лоренцо, сынъ Пьеро, пошелъ по стопамъ своего дѣда и замѣтно поднялъ вліяніе своей семьи. Борьба, которую онъ велъ, была жестока и полна опасностей. Брату его Джіуліано она стоила жизни. Это показываетъ, какимъ надо было обла-

дать мужествомъ, чтобы стоять во главѣ такого государства, какъ флорентійская республика.

Джіуліано погибъ въ 1478 году. Микель-Анджело было тогда всего два года, и онъ находился еще въ Сеттиньяно. Поэтому врядъ-ли можно причислить заговоръ Пацци, слѣдствіемъ котораго явилось это убійство, къ событіямъ, пережитымъ Микель-Анджело въ дѣтствѣ. Однако, исторія этого заговора глубоко характерна для Флоренціи того времени, и рассказать о немъ необходимо, чтобы дать ясное представленіе о положеніи, въ какомъ находился Лоренцо, когда установились отношенія между нимъ и Микель-Анджело.

Уже Козимо старался ослабить враждебное для Медичи вліяніе могущественной во Флоренціи семьи Пацци, выдавъ свою внучку Бьянку, сестру Лоренцо и Джіуліано, за Гвильельмо, единственнаго наслѣдника всѣхъ богатствъ дома Пацци. Онъ надѣялся такимъ путемъ объединить интересы обѣихъ семей. Однако, Пацци и послѣ этого держали себя въ сторонѣ, сохраняя свою самостоятельность, такъ-что Лоренцо и Джіуліано пришлось, когда они стали правителями Флоренціи, серьезно задуматься надъ тѣмъ, какъ устранить опасное соперничество. Въ этомъ отношеніи Медичи не знали отступленій: съ ревливой чуткостью слѣдили они за тѣмъ, чтобы ни одинъ домъ во Флоренціи не сравнялся съ ними своимъ богатствомъ — этимъ ключомъ къ власти. Когда могущество какой-нибудь семьи становилось угрожающимъ, они безъ оглядки вступали въ борьбу съ нею, предоставляя судьбѣ рѣшить, кому выйти побѣдителемъ.

Лоренцо пустилъ въ ходъ все свое вліяніе, чтобы склонить правительство города принять мѣры, ограничивающія вліяніе Пацци. Во Флоренціи силою вещей установилось, что патриціанскіе роды обладали преимуществами, выходившими за предѣлы закономъ установленныхъ правъ. Эти преимущества были отняты у Пацци. Послѣдніе не проронили ни одного рѣзкаго слова. Но Медичи насторожились, ожидая мщенія.

Въ это-же время по отношенію къ семейству Пацци была учинена вопіющая несправедливость. Жена одного изъ Пацци должна была унаслѣдовать имущество своего умершаго отца. Но одинъ изъ родственниковъ его противозаконно завладѣлъ частью наслѣдства. Начался судебный процессъ, который несомнѣнно долженъ былъ рѣшиться въ пользу обиженной женщины. Вдругъ издается новый законъ, и судъ рѣшаетъ вопросъ въ пользу захватчика. Это было дѣломъ Лоренцо. Онъ хотѣлъ, чтобы матеріальныя средства Пацци не были сосредоточены въ однѣхъ рукахъ. Даже самъ Джіуліано указывалъ брату всю несправедливость слѣланнаго имъ шага, но высшія соображенія взяли пере-

МИКЕЛЬ-АНДЖЕЛО.

ІЕРЕМІЯ.

СИКСТИНСКАЯ КАПЕЛЛА. РИМЪ.

вѣсъ, и Лоренцо не уступилъ. Онъ былъ молодъ, пылокъ, отваженъ и хотѣлъ идти напроломъ.

Вскорѣ разразилась буря. Пацци не подавали и виду, что замышляютъ что-либо противъ Медичи, но ковали оружіе въ Римѣ. У нихъ, какъ и у Медичи и другихъ флорентійскихъ домовъ, былъ въ Римѣ банкъ. Франческо Пацци, руководившій его дѣлами, былъ въ лучшихъ отношеніяхъ съ домомъ Ріаріевъ, изъ котораго происходилъ сидѣвшій въ то время на апостольскомъ престолѣ папа. Сикстъ IV ненавидѣлъ Медичи и давно тайлъ желаніе какъ-нибудь сосчитаться съ ними. На мѣсто недавно умершаго пизанскаго архіепископа онъ назначилъ человѣка, враждебно настроеннаго къ семьѣ Медичи, но послѣдніе не впустили его въ Пизу. Въ Римѣ тогда рѣшили, что, если папа хочетъ имѣть покой, то надо уничтожить Медичи во Флоренціи. Ріаріи и Франческо набросали планъ совмѣстныхъ дѣйствій. Къ заговору былъ привлеченъ пизанскій архіепископъ и престарѣлый Якопо, глава флорентійской семьи Пацци. Самъ папа разсѣялъ сомнѣнія послѣдняго въ личной съ нимъ бесѣдѣ. Начальникъ папскихъ войскъ, Джіованбаттиста да Монтесекко, былъ отправленъ во Флоренцію, чтобы на мѣстѣ разузнать, какъ, гдѣ и когда удобнѣе убить братьевъ Медичи, обоихъ-ли вмѣстѣ, или каждаго отдѣльно. На всякій случай онъ раздѣлил свое войско на небольшіе отряды и окружилъ ими Флоренцію такъ, чтобы, по данному сигналу, они могли со всѣхъ сторонъ напасть на городъ и быстро овладѣть имъ. Кардиналъ Ріаріо лично ввелъ во Флоренцію черезъ городскія ворота заговорщиковъ вмѣстѣ со своей многочисленной челядью.

Прибытіе такого высокопоставленнаго лица, какъ кардиналъ, было значительнымъ событіемъ. Въ его честь устроили празднество, на которое были приглашены и оба Медичи. Этимъ случаемъ рѣшено было воспользоваться для приведенія заговора въ исполненіе. Но незадолго до начала пиршества Джіуліано прислалъ извиненіе въ томъ, что не можетъ прибыть. Вслѣдствіе этого заговорщики принуждены были сразу-же придумать новый планъ, такъ-какъ всякое промедленіе, въ виду множества посвященныхъ въ распланированный опредѣленнѣйшимъ образомъ заговоръ лицъ, могло быть гибельнымъ. Положено было, что кардиналъ на слѣдующее утро отслужитъ въ Соборѣ мессу, на которую долгъ вѣжливости заставить придти обоихъ братьевъ. Въ Соборѣ и рѣшено было убить ихъ. Джіованбаттиста Пацци взялъ на себя покончить съ Лоренцо, а Франческо Пацци долженъ былъ раздѣлаться съ Джіуліано.

Но когда все это было уже рѣшено, Джіованбаттиста заявилъ вдругъ, что не можетъ совершить убійство въ священномъ мѣстѣ. Вмѣсто него избрали другихъ лицъ, въ томъ числѣ священника, пре-

подававшего латинскій языкъ незаконной дочери Якопо Пацци. Это отступленіе Джіованбаттисты, по словамъ Макиавелли, было началомъ послѣдующихъ неудачъ, такъ-какъ именно при такихъ обстоятельствахъ ему слѣдовало сохранить крѣпость духа. Опытъ учить, говоритъ онъ дальше, что даже у тѣхъ, кто привыкъ къ оружію и крови, можетъ вдругъ не хватить мужества, когда дѣло идетъ о жизни и смерти.

Сигналомъ къ убійству долженъ былъ послужить колокольный звонъ посреди службы. Въ то-же мгновеніе пизанскому архіепископу слѣдовало ворваться со своими людьми во дворецъ Синьоріи. Этимъ путемъ заговорщики хотѣли однимъ ударомъ уничтожить враговъ и захватить власть въ свои руки.

Братья подозрѣвали, что противъ нихъ замышляется недоброе, но они привыкли безбоязненно идти въ такихъ случаяхъ навстрѣчу опасности. Лоренцо вошелъ въ церковь первымъ, Джіуліано остановился на паперти. Къ нему подошелъ одинъ изъ Пацци, и рука объ руку они вступили въ Санта Маріа дель Фіоре. Заговорщики замѣшались въ толпу молящихся и выжидали условеннаго сигнала, въ то время какъ слова молитвы изъ устъ кардинала разносились подъ гулками сводами храма надъ притихшей толпой.

Вдругъ раздается ударъ колокола, и въ грудь Джіуліано вонзается кинжалъ. Онъ пытается сдѣлать нѣсколько шаговъ, шатается и падаетъ на каменный полъ. Франческо бросается на него и въ ослѣпленіи ненависти наноситъ ему, уже бездыханному трупъ, ударъ за ударомъ, при чемъ въ ярости своей перестаетъ отличать свое тѣло отъ тѣла смертельнаго врага и тяжело ранитъ самого себя.

Лоренцо удалось спастись. Онъ успѣлъ увернуться отъ удара убійцы, и кинжалъ лишь скользнулъ по его шеѣ. Онъ отскакиваетъ назадъ и начинаетъ защищаться. Заговорщики кидаются на него, друзья бросаются на помощь и укрываютъ его въ ризницѣ. Франческо, оторвавшись, наконецъ, отъ трупа Джіуліано, бросается во главѣ своихъ сторонниковъ на штурмъ ея дверей. Шумъ яростной борьбы наполняетъ церковь. Кардиналъ стоитъ у алтаря, окруженный духовенствомъ, которое старается оградить его отъ ярости толпы, сообразившей, въ чемъ дѣло, и кто виновники убійства.

Въ то-же время архіепископъ пизанскій бросился ко дворцу Синьоріи. Синьоры, которые должны были все время, пока несли свои почетныя обязанности, жить во дворцѣ и ни подъ какимъ видомъ не выходить изъ него, сидѣли въ эту минуту за завтракомъ. Неожиданное нападеніе сильно изумило ихъ, но въ тѣ беспокойныя времена люди умѣли быстро оріентироваться. Въ одно мгновеніе они собрали вооруженныхъ дворцовыхъ слугъ и вмѣстѣ съ ними оттѣснили на

САНТА МАРИА НОВЕЛЛА ВО ФЛОРЕНЦИИ.

улицу уже поднимавшейся по лѣстницѣ вражескій отрядъ. Успѣвшіе забраться наверхъ были перебиты или выброшены изъ оконъ на площадь. Одинъ изъ Пацци и самъ архіепископъ были тутъ-же преданы казни. Имъ набросили на шею петли и, раздѣвъ догола, повѣсили на карнизѣ окна, подъ которымъ лежали ихъ сообщники съ переломанными членами. Но часть нападавшихъ укрылась въ подвалахъ дворца. Синьоры забили въ набатъ, и отовсюду на площадь стали стекаться вооруженные граждане.

Въ Соборѣ заговорщикамъ тоже не повезло. Металлическія двери сакристіи хорошо защищали укрывшагося за ними Лоренцо и его друзей. Штурмъ все еще продолжался, когда въ церковь хлынули сторонники Медичи. Но Франческо не растерялся и побуждалъ своихъ сообщниковъ къ продолженію борьбы. Однако, нанесенная имъ себѣ рана, которой онъ сгоряча не замѣтилъ, оказалась серьезной, и силы начали покидать его. Онъ попытался еще сѣсть на коня, чтобы, согласно уговору, объѣхать улицы города и поднять гражданъ противъ Медичи, но исполнить этого уже не могъ. Едва дотащившись домой, онъ попросилъ стараго Якопо сдѣлать вмѣсто него этотъ объѣздъ. Сюда еще не дошли вѣсти о положеніи дѣлъ во дворцѣ Синьоріи, къ тому-же вскорѣ должны были придти на помощь стоявшія около города папскія войска. Дряхлый Якопо появился на площади съ сотней вооруженныхъ всадниковъ. Но тутъ уже кишѣла вооруженная толпа горожанъ, не желавшая слушать его убѣжденій. Вдругъ Якопо замѣтилъ спущенные изъ окна Синьоріи трупы архіепископа и своего родственника. Понявъ, что дѣло проиграно, онъ ускакалъ изъ города со своимъ отрядомъ, который разсѣялся по Романьѣ. Остальнымъ заговорщикамъ тоже удалось спасти свою жизнь. Только раненый собственной рукою Франческо лежалъ дома, ожидая рѣшенія своей участи.

Ему не пришлось долго ждать. Лоренцо, въ сопровожденіи вооруженныхъ горожанъ, вернулся невредимымъ въ свое палаццо, дворецъ Синьоріи былъ очищенъ отъ заговорщиковъ. Во всѣхъ концахъ Флоренціи раздавался побѣдный кликъ сторонниковъ Медичи. По городу ходили толпы, носившія передъ собою на пикахъ отрубленные головы измѣнниковъ. Ярость толпы вскорѣ обратилась на дворецъ семьи Пацци. Онъ былъ разграбленъ, а Франческо отвели въ Синьорію и тамъ повѣсили рядомъ съ двумя первыми трупами. По дорогѣ на мѣсто казни онъ не вымолвилъ ни слова, не отвѣтилъ ни на одинъ вопросъ, только по временамъ тяжело вздыхалъ. Когда месть была доведена до конца, во Флоренціи не осталось ни одного гражданина, который не зашелъ-бы во дворецъ Медичи, въ полномъ вооруженіи или облачившись въ лучшія свои одежды, поздравить Лоренцо съ побѣдой и увѣрить его въ своей преданности. Вскорѣ былъ приведенъ въ городъ и старый Якопо Пацци, пойманный въ горахъ, гдѣ онъ укрывался. Черезъ четыре дня его казнили вмѣстѣ съ другимъ членомъ его семьи, спокойно жившимъ въ своей виллѣ вблизи Флоренціи. Но для мстительнаго чувства народа всего этого было недостаточно. Чернь вырыла тѣло Якопо изъ фамильнаго склепа и съ веревкой на шеѣ повлекла его на берегъ Арно. Здѣсь она съ глумленіемъ утопила его, выбравъ самое глубокое мѣсто рѣки.

МИКЕЛЬ-АНДЖЕЛО.

ИЕЗЕКІИЛЬ

СИКСТИНСКАЯ КАПЕЛЛА. РИМЪ.

(ДЕТАЛЬ).

Такимъ образомъ Лоренцо раздѣлялся со своими соперниками. Теперь онъ стоялъ лицомъ къ лицу съ народомъ. Во Флоренціи поняли, что судьбы города отнынѣ безповоротно находятся въ рукахъ Медичи. Послѣдовавшія затѣмъ войны съ папой и Неаполемъ упрочили положеніе Лоренцо. Во время второй изъ этихъ войнъ Лоренцо былъ близокъ къ гибели. Его спасла лишь его безумная отвага. Безъ гарантіи личной неприкосновенности отправился онъ моремъ въ Неаполь. Его мужество, его хитрость, въ особенности-же его деньги совершили здѣсь чудеса. Онъ прибылъ въ Неаполь, какъ стоящій на краю вѣрной гибели человѣкъ, которому уже терять нечего. Вернулся-же онъ съ триумфомъ. Онъ завязалъ дружескія отношенія съ королемъ, вскорѣ помирившимъ его и съ папой. Сикстъ IV былъ злѣйшимъ врагомъ Медичи. Послѣ заговора Пацци вражда между ними еще болѣе усилилась. Лоренцо зналъ, что папа былъ однимъ изъ главныхъ его участниковъ, что онъ былъ разъяренъ казнью архіепископа пизанскаго и крушеніемъ своихъ плановъ. Въ довершеніе всего флорентійское духовенство открыто объявило, что стоитъ на сторонѣ Медичи, что папа долженъ быть признанъ такимъ-же заговорщикомъ, какъ и другіе. Это, конечно, только подлило масла въ огонь. Но несмотря на все, Лоренцо сумѣлъ превратить свои враждебныя отношенія къ Сиксту IV въ дружественныя и благожелательныя. Такимъ образомъ, изъ обстоятельствъ, грозившихъ Лоренцо гибелью, онъ вышелъ невредимымъ, сдѣлавшись могущественнѣйшимъ изъ итальянскихъ князей.

Лоренцо въ совершенствѣ владѣлъ искусствомъ поддерживать популярность своего имени. Хотя онъ и завелъ съ 1478 нѣчто въ родѣ собственной гвардіи въ своемъ палаццо и былъ женатъ на дѣвушкѣ изъ дома Орсини, одного изъ знатнѣйшихъ родовъ Италіи, считавшихъ себя не ниже императора и королей, онъ тѣмъ не менѣе запросто появлялся на улицахъ, какъ обыкновенный горожанинъ. На народныхъ празднествахъ онъ смѣшивался съ толпой и былъ доступенъ каждому. Часто онъ являлся тутъ инициаторомъ. Онъ сочинялъ для флорентійскихъ дѣвушекъ пѣсни, которыя тѣ распѣвали, сопровождая ихъ плясками, на улицахъ во время праздника въ честь весны. Дѣти знали и любили его. Онъ приходилъ на помощь совѣтомъ и дѣломъ всякому, кто въ этомъ нуждался. Но особенно преданные друзья были у него среди флорентійской молодежи: она восхищалась роскошными карнавальными шествіями, устраиваемыми по его инициативѣ. Для шествій этихъ онъ сочинялъ особыя кантаты. Лоренцо не щадилъ при этомъ никакихъ затратъ, и лишь немногіе, имѣвшіе достаточно причинъ не распространять о немъ дурныхъ слуховъ, знали, что онъ недостаточно бережно относился къ городской казнѣ. Въ прежнія времена Медичи строили свое могущество на деньгахъ, выручаемыхъ отъ торговыхъ операцій, Лоренцо-же началъ забрасывать

торговья дѣла своей фирмы и добывать средства изъ другихъ источниковъ.

Франческо Граначчи, красивый и даровитый юноша, воспользовался однимъ изъ такихъ карнавалныхъ празднествъ, чтобы привлечь къ себѣ благоволеніе Лоренцо. Участвуя въ процессіи, изображавшей триумфальный въѣздъ въ Римъ Павла Эмилія,—триумфы римскихъ полководцевъ были тогда любимой темой для такого рода шествій,—Граначчи удалось обратить на себя вниманіе Лоренцо и испросить у него позволенія посѣщать сады св. Марка, гдѣ были собраны художественныя сокровища семьи Медичи.

Лоренцо устроилъ въ этихъ садахъ что-то въ родѣ художественной школы для сыновей знатнѣйшихъ флорентійскихъ гражданъ. Преподаваніе велъ старый скульпторъ Бертольдо, ученикъ Донателло. Въ садахъ были выставлены античныя и новыя скульптуры, въ особыхъ помѣщеніяхъ хранились картины и картоны лучшихъ мастеровъ. Здѣсь было собрано все, что только могло содѣйствовать развитію выдающихся художниковъ. И таланты ихъ, дѣйствительно, расцвѣтали въ такой атмосферѣ. Благодаря содѣйствію Граначчи доступъ въ эти сады вскорѣ былъ открытъ и для Микель-Анджело.

НАКОМСТВО съ сокровищами скульптуры, хранившимися въ этихъ садахъ, произвело на Микель-Анджело огромное впечатлѣніе. И подобно тому какъ нѣкогда ради живописи онъ бросилъ школу и поступилъ въ ученіе къ Гирландайо, такъ и теперь ради скульптуры онъ вновь вернулся въ мастерскую этого художника. Какъ разъ тогда въ садахъ Лоренцо, по его приказу, возводилось мраморное зданіе для библіотеки, основанной еще Козимо, дѣдомъ Ло-

ренцо. Закончить это зданіе пришлось впоследствии уже самому Микель-Анджело. Юноша, подружившись съ каменотесами, выпросилъ у нихъ кусокъ мрамора и необходимые инструменты и сталъ высѣкать копию одной античной маски фавна, находившейся въ саду. Однако, онъ не придерживался строго оригинала и сдѣлалъ ей широко открытый ротъ, въ которомъ были видны зубы.

Этотъ первый скульптурный опытъ Микель-Анджело попался на глаза Лоренцо. Однажды онъ зашелъ въ садъ отдать какія-то приказанія, такъ-какъ лично руководилъ работами по постройкѣ. Онъ похвалилъ юношу, но шутливо замѣтилъ: «Ты изобразилъ своего фавна такимъ старымъ, а сохранилъ ему всѣ зубы. Развѣ ты не знаешь, что въ старости зубы выпадаютъ?»

МИКЕЛЬ-АНДЖЕЛО.

НАЦ. МУЗЕЙ. ФЛОРЕНЦИЯ.

МАСКА ФАВНА.

При слѣдующемъ посѣщеніи сада Лоренцо увидѣлъ у фавна уже настоящія старческія десны съ недостающими зубами, исполненныя съ такимъ искусствомъ, что даже вполне законченный художникъ не могъ бы сдѣлать лучше. Лоренцо серьезно взглянулъ на это дѣло и велѣлъ Микель-Анджело передать отцу, чтобы тотъ зашелъ къ нему.

Людовико Буонарроти сначала не захотѣлъ откликнуться на это приглашеніе. Онъ и безъ того косо смотрѣлъ на занятія сына живописью.

МИКЕЛЬ-АНДЖЕЛО.

ЛУВРЪ. ПАРИЖЪ.

РИСУНОКЪ ГОЛОВЫ ФАВНА.

Желаніе-же сына сдѣлаться «каменотесомъ» вывело его окончательно изъ себя. Франческо Граначчи, оказавшій помощь въ первомъ случаѣ, и на этотъ разъ уговорилъ отца Микель-Анджело пойти къ Лоренцо. Людовико Буонарроти былъ прямымъ и честнымъ человѣкомъ, но крѣпко приверженнымъ къ старинѣ: *homo religioso e buono e piuttosto d'antichi costumi che no*, говоритъ о немъ Кондиви. Онъ не мирился ни съ чѣмъ необычнымъ и новымъ, и надо было много усилій, чтобы побудить его

согласиться на то, чего не было при жизни дѣдовъ и отцовъ. Поэтому онъ горько сокрушался, что сына его толкають на ложный, по его мнѣнію, путь, и пошелъ къ Лоренцо съ намѣреніемъ воспрепятствовать этому.

Но любезный пріемъ, оказанный ему Лоренцо, настроилъ его совсѣмъ на другой ладъ и заставилъ сказать то, чего онъ навѣрно

МИКЕЛЬ-АНДЖЕЛО.

ГАЛЛ. БУОНАРРОТИ. ФЛОРЕНЦИЯ.

БИТВА КЕНТАВРОВЪ СЪ ЛАПИѠАМИ.

не думалъ еще нѣсколько минутъ назадъ. Онъ заявилъ, что не только сынъ его, но и самъ онъ со всѣми домочадцами готовы служить Его Великолѣпію жизнью и состояніемъ. Медичи спрашивалъ Людовико объ его семейныхъ и денежныхъ дѣлахъ. Тотъ рассказалъ, что не ведетъ никакихъ торговыхъ предприятий, а живетъ на скромные доходы съ земельныхъ владѣній, оставленныхъ ему предками. Доходы эти онъ ста-

рается по мѣрѣ силъ увеличить. Лоренцо обѣщалъ ему свою помощь во всемъ, въ чемъ только она ему понадобится.

Дѣло было рѣшено къ обоюдному удовольствію отца и сына. Черезъ нѣкоторое время Людовико обратился къ Лоренцо съ ходатайствомъ о назначеніи его на освободившееся мѣсто при таможенѣ, приносившее восемь скуди мѣсячнаго дохода. Герцогъ, ожидавшій услышать менѣе скромную просьбу, будто-бы похлопавъ Буонарроти по плечу, сказавъ: «Ты, я вижу, никогда не станешь богачомъ, Людовико». Онъ исполнилъ желаніе Людовико и вмѣстѣ съ тѣмъ взялъ Микель-Анджело къ себѣ во дворецъ, давъ ему отдѣльную комнату и опредѣливъ мѣсячное жалованье въ пять дукатовъ. У Медичи ежедневно происходили торжественныя обѣды. Лоренцо садился въ верхнемъ концѣ стола, предоставляя желающимъ, независимо отъ ихъ положенія и богатства, садиться около него. Такимъ образомъ, случалось, что Микель-Анджело занималъ болѣе почетное мѣсто, чѣмъ сыновья Лоренцо, которые, впрочемъ, любили молодого художника и были съ нимъ дружны.

На этомъ Лоренцо не остановился. Онъ часто призывалъ Микель-Анджело къ себѣ и разсматривалъ съ нимъ ювелирныя издѣлія, монеты и разнаго рода драгоценности, во множествѣ находившіяся во дворцѣ, внимательно прислушиваясь къ сужденіямъ художника. Микель-Анджело велъ также продолжительныя бесѣды съ Полиціаномъ, черпая въ нихъ познанія объ античномъ мірѣ. По совѣту послѣдняго художникъ сдѣлалъ барельефъ, изображавшій битву кентавровъ съ Ланиѳами, приведшій всѣхъ въ изумленіе, несмотря на то, что остался незаконченнымъ. Образцомъ ему послужило, вѣроятно, изображеніе подобной-же сцены на какомъ-нибудь изъ античныхъ саркофаговъ. Микель-Анджело всю жизнь не разставался съ этимъ произведеніемъ своей юности и даже въ старости гордился имъ. Теперь этотъ барельефъ находится въ домѣ Буонарроти, а голова фавна — во флорентійскомъ Национальномъ Музеѣ.

Бертольдо пробудилъ въ Микель-Анджело любовь къ творчеству Донателло и обучилъ его литью изъ бронзы. Микель-Анджело отлилъ барельефъ съ фигурой Мадонны, по манерѣ напоминающей работы Донателло. Онъ находится въ томъ-же домѣ Буонарроти во Флоренціи. Вмѣстѣ съ другими учениками Бертольдо онъ копировалъ затѣмъ фрески Мазаччіо въ капеллѣ Бранкаччи, гдѣ въ то время Филиппино Липпи дописывалъ незаконченныя этимъ художникомъ фигуры. Липпи изобразилъ на своихъ фрескахъ много знакомыхъ лицъ. Мы найдемъ здѣсь Граначчи въ видѣ обнаженнаго мальчика, портретъ самого Филиппино, его учителя Боттичелли, затѣмъ Поллайuolo и другихъ знаменитыхъ или знатныхъ людей. Этотъ обычай изображать на картинахъ себя и своихъ

друзей содѣйствовалъ зарожденію въ художникѣ чувства, что онъ составляетъ часть самого искусства, часть большой и постоянно обновляющейся общины людей, работающихъ въ опредѣленномъ направленіи. Чувство это придавало ему бодрость и отражалось на окружающихъ его работахъ.

Въ тѣ времена все благопріятствовало развитію искусства. Всякое направленіе могло свободно раскрываться рядомъ съ другими. Образцами для творчества служили лучшія произведенія какъ древнихъ, такъ и новыхъ мастеровъ. А зародившееся въ художникахъ сознаніе необходимости изучать природу не дало погибнуть непосредственному чувству подъ гнетомъ мертвой подражательности, въ позднѣйшее время наложившей на искусство свою тяжелую печать. Это изученіе стало главнымъ дѣломъ преподаванія въ художественной школѣ, учрежденной Лоренцо Медичи, такъ-какъ самъ онъ былъ убѣжденнымъ сторонникомъ вѣрнаго природѣ направленія въ искусствѣ и умѣлъ передать свое убѣжденіе окружавшимъ его артистамъ. Врядъ-ли можно указать въ исторіи другой примѣръ такого благотворнаго вліянія со стороны человѣка, облеченнаго властью. Въ огромномъ большинствѣ случаевъ искусство немедленно начинаетъ клониться къ упадку, когда могущественные, но чуждые ему люди вмѣшиваются въ свободное творчество художниковъ со своими посторонними соображеніями или низменными вкусами. Однако, не матеріальная власть, находившаяся въ рукахъ Лоренцо Медичи, а его искренняя любовь къ искусству, его тонкое художественное чутье, его обширныя познанія въ области классической древности, доставшіяся ему дѣльной долгого и прилежнаго изученія, сдѣлали его единственнымъ въ исторіи по количеству и величію заслугъ въ этой области, человѣкомъ. Онъ не жалѣлъ трудовъ и затратъ на художественную школу, свое любимое дѣтище. Самъ выбиралъ учителей, прилежно слѣдилъ за успѣхами учениковъ, умѣлъ по первымъ шагамъ угадывать ихъ дарованіе и предсказывать великую будущность тому, въ комъ чувствовалъ проблески генія. Онъ давалъ юнымъ художникамъ возможность встрѣчаться съ самыми выдающимися людьми Италіи. Вѣдь все, что было лучшаго въ странѣ, стекалось во Флоренцію ко двору Лоренцо Великолѣпнаго, не только центру, откуда направлялась политическая жизнь государства, но и средоточію религиозныхъ движеній, философской мысли, поэзіи, филологіи. Все, что происходило значительнаго на свѣтѣ, быстро становилось извѣстнымъ въ этой столицѣ просвѣщенія, горячо обсуждалось здѣсь и оцѣнивалось по достоинству. Все посредственное какъ-бы таяло въ лучахъ прекраснаго. Но и само прекрасное не принималось на вѣру, слѣпо. Оно подвергалось критическому анализу, прежде чѣмъ дѣлалось предметомъ

МИКЕЛЬ-АНДЖЕЛО.

ГАЛЛ. БУОНАРРОТИ. ФЛОРЕНЦИЯ.

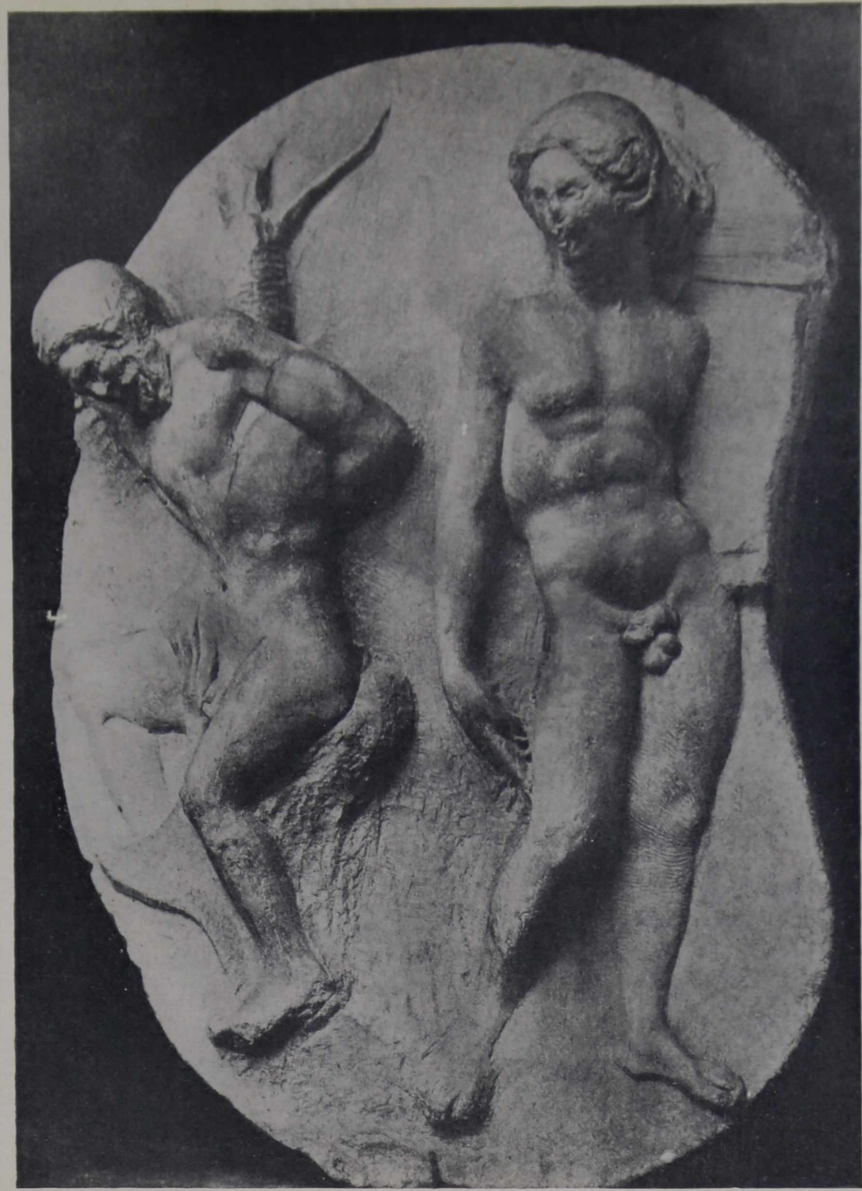
МАДОННА.

восхищенія. Оживленная свѣтская жизнь текла здѣсь рядомъ съ серьезной духовной работой, не нарушая ее. Возможность вредныхъ вліяній слишкомъ утонченной жизни умѣрялась острымъ умомъ флорентійскаго народа, сумѣвшаго найти вѣрный путь для своего культурнаго процвѣтанія.

Народъ этотъ обладалъ свойствомъ, которое только у него и можно найти. Оно крѣпко привязывало къ Флоренціи какъ ея уроженцевъ, такъ и пришельцевъ: только здѣсь могли встрѣтить они полное и справедливое признаніе своего личнаго творчества. Нигдѣ, можетъ быть, не возводилось на людей такихъ клеветническихъ обвиненій, но и нигдѣ не умѣли воздавать достойнымъ такую высокую хвалу. Художники часто страдали во Флоренціи отъ несправедливости, интригъ, скупости города, пользовавшагося всякимъ случаемъ, чтобы урѣзать у нихъ условленную жалкую плату за трудъ, отъ мѣткихъ и злыхъ прозвищъ. Но все это искупалось, въ концѣ концовъ, справедливой оцѣнкой и вознагражденіемъ по заслугамъ, если таковыя дѣйствительно имѣлись. Развѣ можетъ существовать художникъ безъ среды, которую онъ чувствовалъ-бы достойной себя? Донателло покинулъ Падую, гдѣ его замучили всякаго рода лестью, и вернулся въ родную Флоренцію. «Флорентійцы всегда найдутъ поводъ хулить мои произведенія, — говорилъ онъ, — но ихъ хула побуждаетъ стремиться къ достиженію болѣе высокаго совершенства». Кто пребывалъ въ самодовольствѣ, того во Флоренціи презирали. Тѣ художники, у которыхъ не было необходимости зарабатывать себѣ пропитаніе, стремились къ совершенствованію изъ честолюбія, тѣ-же, которые работали ради платы, должны были напрягать свои творческія силы, чтобы не отстать въ борьбѣ съ конкурентами. Въ самомъ воздухѣ Флоренціи, говоритъ Вазари, есть что-то, неудержимо заставляющее стремиться къ славѣ и почестямъ. Никто изъ флорентійцевъ не хотѣлъ стоять рядомъ съ остальными. Всякій искалъ возможности выдѣлиться и возвыситься. Каждый говорилъ себѣ: чѣмъ-же я хуже тѣхъ согражданъ, которые окружены славой? Развѣ я не могу добиться того-же, чего достигли они, или даже уйти дальше ихъ? Но по той-же причинѣ тѣ, кто хотѣлъ, чтобы имя ихъ не затерялось въ будущихъ вѣкахъ, не должны были оставаться во Флоренціи. Флоренція, какъ время, создаетъ лишь для того, чтобы разрушать собственныя творенія, какъ только они достигли полнаго завершенія.

Мнѣ думается, что если, вообще, дозволено окружать историческія событія романтическимъ ореоломъ, то съ наибольшимъ правомъ можно сдѣлать это по отношенію къ флорентійскому обществу того времени и его культурѣ. Искусство, являющееся у насъ лишь утонченнымъ продуктомъ жизни, не всѣмъ одинаково нужнымъ, было

МИКЕЛЬ-АНДЖЕЛО
приписывается.

ИМ. РАТСГОФЪ. ЛИФЛЯНДІЯ.
Колл. Фонъ-Липарта.

АПОЛЛОНЪ И МАРСІЙ.

тогда необходимой частью существованія, столь-же насущной, какъ хлѣбъ и соль. Тогда стихи не только писались, — ихъ пѣли на публичныхъ празднествахъ. Танцы, верховая ѣзда, игра въ мячъ были ежедневнымъ времяпрепровожденіемъ, и умная бесѣда, съ блестящими прекраснаго языка Италіи, была для флорентійцевъ такимъ-же источникомъ наслажденій, какъ и освѣжающее купанье или веселый пиръ. Но во флорентійской жизни была еще одна черта, особенно содѣйствовавшая духовному росту юнаго Микель-Анджело. Это черта, свойственная однимъ

романскимъ народамъ и совершенно отсутствующая у германскихъ: итальянское юношество никогда не знало стѣсненнаго и безцвѣтнаго существованія, какое ведетъ у насъ молодежь въ обществѣ взрослыхъ. Въ возрастѣ пятнадцати, шестнадцати и семнадцати лѣтъ молодые люди, въ Германіи едва превозмогающіе стѣсненія и неловкость, среди старшихъ или младшихъ, въ Италіи находятъ и свободный тонъ общенія, и подходящій предметъ разговора съ женщинами, мужчинами и дѣтьми.

Благодаря этому Микель-Анджело могъ съ пользою для себя вращаться въ кругу образованнѣйшаго общества своего времени уже съ того возраста, когда душа особенно восприимчива къ глубокимъ и благороднымъ впечатлѣніямъ. Но вскорѣ во Флоренціи разразились бури, оставившія на личности и творчествѣ Микель-Анджело такой-же замѣтный слѣдъ, какъ и предыдущіе годы безоблачнаго покоя. Паденіе Лоренцо было уже тогда ближе, чѣмъ могъ надѣяться самый ярый врагъ его, и поворотъ его судьбы, начавшійся въ послѣдніе годы его правленія, съ возрастающей быстротою велъ и его и установившееся во Флоренціи положеніе дѣлъ къ неминуемой гибели.

